

An impressionistic painting of a balcony scene. In the foreground, a table is set with a bottle of wine, a glass, and two plates of food. A seagull is perched on the balcony railing. The background shows a dense cityscape with many buildings, rendered in a painterly, textured style. The overall color palette is dominated by blues, greens, and yellows. The text 'САША НЕМИРОВСКИЙ' is written in white capital letters at the top left, and 'ВОЗРАСТ ВЕСНЫ' is written in large white capital letters in the center right. The signature 'Р. Точилкин' is visible in the top right corner.

САША НЕМИРОВСКИЙ

ВОЗРАСТ
ВЕСНЫ

Саша Немировский - поэт, писатель.
Основоположник поэтического
стиля «джазз-поэзии» в Русской литературе.
Автор 12-ти книг стихов и прозы и
многочисленных публикаций
в изданиях США, Канады, Германии,
Финляндии, России.
Сайт автора: nomer.us

Мандельштам не зря сказал, что в основе искусства –
«радостное подражание Христу». Мы помним, что проповедь
Христа называется Нагорной и что она параллельна тому,
что происходило на горе Синай задолго до явления богочеловека.
Читатель идёт за тем, кто утверждает, что красота гор не
терпит неточных слов, а значит – и мы понимаем эту фигуру
речи как смиренное и парадоксальное признание, –
«говор мой – в основном, молчанье». А затем, не теряя
надежды, поэт добавляет: «исполнение слов – вершина».

Владимир
Гандельсман

ISBN 979-8-3507-4220-6
51500>

7 798350 742206

Саша Немировский

**ВОЗРАСТ
ВЕСНЫ**

/ стихи */*

Иллюстрации Павла Тайбера

Sasha Nemirovsky

THE AGE OF SPRING

/ poems */*

Book art by Pavel Tayber

Annotation

Новые стихи (2022-2024) замечательного поэта Саши (Александра) Немировского соседствуют в этом сборнике с некоторыми отобранными стихотворениями прошлых лет.

The new poems (2022-2024) of wonderful poet Sasha (Alexander) Nemirovsky are here together with some selected poems from prior years.

Книги Саши (Александра) Немировского Other books of Sasha Nemirovsky are

Без Читателя (1996)
Уравнение Разлома (2009)
Система Отсчёта (2012)
На Втором Круге (2014)
Точка Обзора (2016)
Секвойя в Цвету (2017)
Партитура Пейзажа (2019)
Jazz-Поэзия (2020)
Предисловие к Мирозданию (2022)
Кантаты Времени (2023)
Фрагменты Катастрофы (2023)
Чтоб вы мне все были! (2024)
Возраст Весны (2025)

ISBN 979-8-3507-4220-6
Library of Congress Control Number: 2025930677

© Sasha Nemirovsky, 2025; All rights reserved
© Woodside Publishing, 2025; All rights reserved
Contact via <https://www.nomer.us>

КАЛЕЙДОСКОП И КАЛЛИГРАФИЯ

В путь! С первых страниц книги Саши Немировского веет ветром странствий. В конце концов, «странствие» и «страница» – однокоренные слова, и родство их предполагает доверительное соседство.

В путь! – помня о предупреждении автора: «я говорю на языке гор», – оно означает, что читателю предстоит совершить своё восхождение.

Мандельштам не зря сказал, что в основе искусства – «радостное подражание Христу». Мы помним, что проповедь Христа называется Нагорной и что она параллельна тому, что происходило на горе Синай задолго до явления богочеловека. Читатель идёт за тем, кто утверждает, что красота гор не терпит неточных слов, а значит – и мы понимаем эту фигуру речи как смиренное и парадоксальное признание, – *«говор мой – в основном, молчанье»*. А затем, не теряя надежды, поэт добавляет: *«исполнение слов – вершина»*.

Как в блокноте художника, перед нами мелькает *«белобрысый поток, зеленеет долина»*, открывается гора, возникает горная деревушка или *«городок, приколотый бабочкой рыжих крыш на гербарий горбатых гор»*, а то вдруг она парит, гора, *«над бледною простынкой моря»*. Одна за другой проходят картины: солнце на закате и шпиль собора, рассвет, в котором, как в проявителе, вырисовывается пейзаж, Мексика, Перу, Шотландия, Италия... Короче говоря, *«срез бытия и красок не унять»*, и где-то там, в Италии, наш художник останавливается перед картиной флорентийского мастера Алессандро и вслед за ним воспевает Афродиту, а главным образом, самого мастера, который приравнивается к Создателю и для которого обыденное человеческое время находится не в поступательном движении к старости и смерти, но в непрерывном любовном возрождении.

В этом стихотворении есть двоящаяся строка: *«с тех пор мимо прошагали армии...»* – мимо прошагали армии посетителей музея, но ведь не только! В живописную пестроту и цветение высокогорных и миролюбивых историй врывается История.

История врывается с воем, который есть в слове «война», и теперь поэт с языка гор переходит на другой язык: *«Я шепчу на языке муки, я прошу на языке боли»*. Речь не только о войне без конца и края, идущей со времён Каина и Авеля, но и о конкретных войнах: о тех, которые начались в разных точках земного шара в феврале 2022 года и в октябре 2023. Значит, *«не закапывай голову в песок»*, значит, неизбежна извечная рифма «кров-кровь» и – если удастся выжить, не выжив из ума, – придётся выбирать на свет из-под *«фрагментов катастрофы»*.

За циклом «Фрагменты катастрофы» следует глава «Требования света». И, словно бы отвечая на заголовок, свет первой главы, осенивший блокнот художника, возвращается на страницы книги. *«Так я читаю светлые слова / в их первородном облике...»*. Замечательно, что светлые слова сопутствуют стихам памяти друзей, что есть соборный отсвет звезды и свет полнолуния, который *«подробно смотрит в нишу»*, что есть заклинание *«Берегите вашего светлячка любви!»*, и обещание: *«...я когда-нибудь научусь любить так, / чтобы через меня шёл свет»*, и молитва: *«Свет ниспошли, чтоб принять смог, / да силы придай словам»*. Во всяком случае, пока пишется и читается книга жизни.

Пока, пока! Я назвал свои заметки «Калейдоскоп и каллиграфия». Мне нравится, что в основе этих слов – греческое kallos («красота»), подсказанное не иначе как Афродитой, и что первое подразумевает созерцание разноцветного и многообразного узора, а второе – безукоризненную выверенность и чистоту письма.

Пока, пока! Последние страницы книги С. Н. – завершение пути. Они посвящены отцу и годовщине его ухода, а читатель, осуществив своё восхождение и вспоминая начало странствия и догадку поэта о том, что книга, написанная на языке гор, равна жизни, видит её заключительные и благословенные слова: *«солнце светит»*.

*Владимир Гандельсман,
январь 2025*

ЯЗЫК ГОР

Потому что я говорю на языке гор,
жителям бесконечных равнин
меня не понять.
Говор мой щиплет гортань, и не унять повтор
отражения эхом слов, которые тяжело принять.
С вершин
легко прощается глубина обид. При взгляде вниз
глубину вообще можно стереть.
Снизу вверх хорошо видна только
неудавшаяся жизнь.
Тем, кто научился смотреть.
Осколки
льда на снегу, в вышине,
на глаз
не различить,
пока проклятьем по тишине
не прозвучит лавина.
Но тогда уже поздно будет решать учить
значение горных фраз.
Потому-то и бесконечна равнина,
что по ней хорошо бежать, особенно нажав на газ.

На горном наречии
есть глагол
для создания чистоты снега
и прилагательное похожести
линии хребта на судьбу.
Колокол
издалека
не слышен над бурной речкой так,
как над равниной,
но с начала века
набат запаздывает предупредить пальбу,
превращающую снег в крошево
из крови и глины.

Потому что кожа
 пальцев огрубела от остроты скал,
 шансы больше ими горячий
 ствол удержать, наставленный на врага.
 Время в горах
 стоит и потому не плачет,
 когда, оборачиваясь в века́,
 обнаруживает, что один из них на войне пропал.

Кружево причудливых форм,
 разрезов ущелий,
 красота висячих долин,
 ручьёв урчанье –
 не терпят неточных слов
 или неоднозначных прочтений.
 Потому что в горах тяжело добывать корм,
 особенно когда один,
 говор мой – в основном, молчанье
 с оттенками восхищений.

Я читаю книги, написанные миллионы лет назад
 слогами из первобытных звуков.
 Их перелистывая, вижу разлуку
 с Создателем,
 незаметную в низине,
 где взгляд
 наблюдателя
 гаснет и, не проходя и половины
 расстояния до горизонта,
 киснет в уныньи.
 Спрессованная
 каньонами, теснота моих обещаний – нерушима,
 а выраженная языком гор – она равна жизни.
 Высота стен – это глубина убеждений,
 а исполнение слов – вершина.
 Без сомненья,
 ради которой и есть смысл в восхождении
 из болота.

(04.03.23)

ПЕРУАНСКИЙ МОТИВ

Городок Чакибамба,
зарытый в коричневых скалах под жарящим солнцем.
Бесконечная пампа,
середина Перу.
Наверху, на немалом ветру,
красноклювый кондор
ловит всё, что скребётся,
выбегая по камню
из тени на свет по ребру.
Там, где катится с гор
белобрый поток, зеленеет долина.
Оживает и дышит
по цветным валунам
в шевелении альпак,
(что есть версия лам),
а над всем этим крышей
накрывает всю пампу колпак
огромной вершины
в языках ледников по краям.

Наблюдатель из мира,
в котором события и время
бывало по плану текут,
в этой пампе – чужой, его нервы – пунктиром
надежды, как сладким вареньем,
на здешних обычаях каплями ждут.

Да. Здесь столько
пространства, что цели движенья не так уж важны.
не достиг — не тужи,
не серчай.
Пампа — это так высоко,
что круженье дороги,
переносишь легко,
когда взгляд ограничен
мотком
серпантина, как одежда, что, видимо, жмёт

на отрогах
у плоской горы по плечам.

Убранство путей человеческих
в разрухе и в стройке.
И вечен,
и жжёт,
ремонтников бой.
Здесь, в случае лучшем, на тройку
оценка за всё, что творит не природа.
Любой
местный житель спешить не умеет,
но гордо
согласен помочь.
Минуты здесь гасят бездумную скорость течения
в улыбках людей,
чьи заботы отложены прочь.

Тут пораньше темнеет —
с визитом пора торопиться,
по экватору крутится шар.
Продавщица перчаток и шалей
приложит к покупке роман —
почитай.
Здесь книжный базар,
зажатый
посредине столицы,
сверкает огнями, культурною прян.
Встречай,
разбирайся: поэзия, проза, картинки.
Взгляд направь от заката, как солнце садится
над шпилем собора.
О чём я? Какая толпа? Мне пора собираться.
Эта пампа не терпит оков.
Я в туристских ботинках,
в одежде, присыпанной пеплом вулкана.
Как страстно
он дышит на город, где трафик течёт
без правил движенья,

проходя перекрестков прямые бока.
В ресторанчике, в книжке стихов
мне приносят мой счёт.
В завершение, в кармане
звенит разделенное братство
и тают века.

Раскинув руки в пустоте,
фигура Христа
парит над Арекипой.
Высокая гора, храм, смуглый человек, привстав,
листают время, кто из них тут первый
кому признался в красоте?
Испанской пикой
разбита чаша искупленья за места,
где инки в страхе приносили жертвы.

Над перекрестком музыка.
На выгнутой дугою
флейте из трубочек, как воздух пьёт —
так здóрово! —
Старик играет пальцами, рукою
узкой,
телом всем — тот,
до оскомины в ушах, «полёт кондора»

(16.07.24 Peru, Arequipa)

SUPER BLOOM *

А вы видели когда-нибудь “super bloom”?
 Оранжевое, жёлтое, белое и фиолетовое вперемешку?
 Друг над и под другом?
 Когда результат слагаемых цветных сумм —
 есть суть перемножение нежного?
 Когда голова крúгом
 от оркестра запахов и,
 куда не брось взгляд,
 ты корабль в пустыне,
 плывущий курсом на триста шестьдесят?
 Куртку запахни,
 не простынь и
 на ветру не сожги кожу —
 без майки солнце немилосердно.
 Крем не положишь
 на следы,
 которые потом не простят
 легкомыслия.

Захочется непременно,
 бессознательно,
 но ты с тропы —
 пристани
 не сходи. Не дотопчешь до следующей, не завязнув
 при дуновении.
 Не высвободишь ни стопы,
 ни сандалий. Иди дорожкой, празднуй
 ощущение муравья перед Создателем.
 Дыши красотой.
 Останови мгновение.

(24.04.23)

¹ Необыкновенно сильное цветение полевых цветов (англ.)

ВЕРШИНА

Я вернусь на вершину,
где снег отражает тепло от палящего солнца,
где в кратере время решило
свернуться в кольцо
вертикали обрыва.
Где мы были живы,
движеньем сгущая пространство,
чтоб швы наших жизней стянули века
и мгновения вместе.
Расшиты лучами, распластаны
вширь облака
под ногой в остановленном шаге.
Прошедшего вести,
печали собой закрывает раскрой этой ткани.
По тени от камня
скользит моя тень, как перо по бумаге,
и пишет, что зло и несчастье
далёко внизу
и покуда не надо туда торопиться.

Я вернусь на вершину.
Сегодня вернусь на вершину,
где птицам –
не место. Где в грозу
навсегда замерзают с улыбкой
досады.
То, что не дошли мы,
взывает разлукой с любимой,
горчит, оставляя осадок.

Наст хрустит
на морозе под стальной подошвой ботинка.
Взорвавшийся снег бесконтрольно песчинками
катится в пропасть.
Против
человеку желанье,
гора открывается полностью.

Шоколадный
рассвет, растворяя звезду
над громадой наклонной границы,
проявляет картинку.

Непогоду раздув,
ветер стих без причины.
Затишье случайное длится.
Подарок и приз —
света луч. Он срывает личины
с событий. Они катятся вниз.
Не забыть бы спуститься.

(7-20.02.24 мт. Оризаба)

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Немного света.
Выхватить лицо,
манеру говорить, раздумывая, плавно,
с пылью
усталости от седины вопроса.
В конце ответа,
отметив главное
сжимая пальцами очки,
посмотрит вниз.
Он небольшого роста,
брючина торчит,
где тень стола распластана по кухне.
Лучом не надо. Он лыс,
а всё и так бликует.
Переведи на собеседницу.
Пускай софит чуть тухнет.
Она молчит.
Взор в пепельницу,
полную лушпаек от семян,
помимо сигарет, докуренных до фильтров.
В её года и стан,
и грация движений. Но в чём тут хитрость —
он не знает. Допит вечерний чай.
В разрыве тишины — далекая сирена скорой
слышна отчётливо. С покатога плеча
сползает тень. Молчанье —
тоже форма разговора.

Десятки лет уж возрасту любви.
Для споров
не осталось тем. Под гору
связки мыслей,
как листья
зрелые кружатся в хороводе, лови
любую, расчлени, крути да пристально,
до ясности, разматывай. На проводе
случайный телефон.

Он не встает. Опять реклама.
Она, обеими руками,
показывает на пустую чашку.
Мол, хочешь свежий чай?
Кивает, соглашается.
Из приоткрытого кармана
торчит бумажка —
строчка, черновик
ночной бессонницы. О чём — неважно.
Щенок сопит
в ногах. Из-за стола не встать. У них не водится
тревожить зверя.
Она приносит кружки
Над краем — пар ещё дымит. Не к спеху
пить. Лимон. Размеренным
движением — разрез.
Два ломтика. Две жёлтых дужки —
Ничто не повторяя, семейная эпоха
без
детей. За четверть века,
где-то так, до рая.

На постановку нечего пенять.
Картинка в рамке волшебства движений.
Отец и мать,
вне временных спяжений.
Срез бытия и красок не унять.

(22.06.24)

* * *

Опять штормит, и в мороси не виден город.
Холм
размывается ручьями.
Распорот
по краям залив прибоем.
Зима — вся в сером. Смыло голубое,
а тело держится на крепком чае
и нету мочи слушать этих чаек!
Им только б корм.

Лесок
прибрежный клонится от ветра.
Похожесть волн,
вращающих песок —
намек на то, что вечность — это
простой повтор известных всем сюжетов,
возможно, лишь наискосок,
или в каком другом порядке,
расставленных, но с той же сутью.
И уж точно вряд ли,
чтоб с другим концом.
Как долго можно выжить на распустье?
Не выбирать из двух, не принимать решений?
Зачем мне дух? — я временный пришелец,
топчу кольцо,
уперши взгляд в решетки прутья.

(29.01.24)

РАССВЕТ В ПУСТЫНЕ

Сладко спится
тебе на морском берегу,
где пузатые дюны бегут в горизонт.
В складках берега птицы,
не нарушив твой сон,
о чем-то щебечут, рассвет стерегут.

Подсвеченной ниткой он прошьёт облака,
а после, как тканью раскроет узор.
У моря слегка розовеют бока.
Тебе снятся века
да бескрайний простор.

И кто там придумал — будить этот день?
Проспи его насквозь, не трогай дела!
Но строгое солнце расправило тень,
дорожка морщинки у глаза легла.

Орёл пишет кольца, найдёт ли обед
там, где кролик и мышь,
спеша на работу,
едва вышли из нор?
Ты спишь.
Ты не слышишь, как падает свет,
как волны с пустыней ведут разговор
про эту охоту.

Малыш, ненаглядный, ну как тебе знать,
что шар повернулся к востоку чуть-чуть?
Необъятной пустыни барханит кровать
вслед тому, кто один твой лишь ведает путь.

(28.05.24)

AT LUNCH *

- Прекрасная незнакомка,
разрешите купить вам напиток?
Тонкие локотки на стойке,
коктельное платье,
белокурые локоны,
дамской сумочки свиток.

— Знаете,
вы мне напоминаете
о версии жизни,
которую я не прожил.
Пруд возможного прошлого,
затянутый ряской забвения.
Сюжет для кино, сшитый
из крошева
вырезанных сцен.
Надеюсь, что говорю не грубость —
здесь, в этом загнанном баре,
вы — привидение
красоты. Таких колен округлость
редка в природе,
чужда и местности, и с нею в паре,
городка сырой погоде.
Ваше лицо просится на портрет.
Нет,
лучше — вышитым на гобелен,
как памятник породе.

Вытканное золотой ниткой,
оно не узнаёт старость.
Ну? Из списка здешних напитков
что-то ведь будет в радость?

* Во время ленча (англ.)

Я, малость,
кажусь вами вдруг увлечён,
но если это реальность,
то лучик, падающий на ваше плечо —
это дурман для глаз.
Так джаз,
расплавленный трубачом,
уменьшает волнение чувств,
не трогая тех, в которые верую.
По взгляду вашему, что обдаёт горячим,
вижу, вы сейчас позовёте охранника.
Не надо, не размыкайте уст.
Я уже ухожу в серое,
где многогранники
зданий —
муравейники и каждый — пуст.
Благодарю за компанию.
Ваш счёт оплачен.

(30.01.23)

О РЫБАЦКОЙ УДАЧЕ *

Могло быть и так: не было бы рыбацкой снасти,
 сломалась бы удочка, утонула блесна,
 потом улеглись бы страсти,
 но не ловилась бы рыба,
 (а была ль вкусна?)

Яхта б не шла с ветром
 попутным.

Слава богу, остались живы,
 повезло, и улов оказался крупным.

Примета

клёва — натянутая до отказа леска.

Блеск в глазах рыбака и нерезкие
 движения рук, выводящие ужин
 из морской пучины
 к ногам возлюбленной, где он и будет сложен.

А кому мы служим,
 если ещё мужчины?

Могло бы быть по-другому,
 Но, увы, не сложилось. Под рукой
 в кастрюле уха дымилась,
 сковородка, шкворча, брызгала нежным маслом.

Яхта ложилась
 в дрейф, и закат обещал быть прекрасным.

К мясу
 рыбы прилагалось вино и что покрепче.

Но не сыпьте мне соль на рану,
 если б оно горчило,

то сегодня бы было легче.

Сегодня бы не лечили,
 а ходили бы да смотрели прямо.

Руки бы не тряслись, губы бы не синели,
 и к ряду

других событий не было бы причины.
 То, что нас не убьёт, сделает нас сильнее,
 особенно, когда оно вынуто из пучины.

Особенно поражает жизни хрупкость,
как свечи пламя,
несомое через комнату, продуваемую сквозняками.
Поражает скудость
последних слов, движений пред тем как тело...,
впрочем, сказано много на эту тему.

Внезапность смерти звучит в живущих,
как крещендо
всего, что есть самое лучшее,
поскольку нельзя измерить чувство вины
и признать ошибки,
ибо как тогда выживать без прощенья,
пусть и паршиво?
Так и глядишь со спины
на уходящее,
которое не исправить,
не разбирая, где разница меж настоящим
и тем, что являет память.

(11.01.24)

* История основана на реальных событиях, когда группа людей, путешествуя на яхте в Карибском море, поймала большую барракуду. Они её приготовили и поели. Отравление нервно-паралитическим ядом было очень серьезным.

СНЕГОПАД

Горная деревушка,
засыпанная по колено белым.
Под снегом: крыши, дорожки, церквушка,
восходящая в небо.
А он продолжает сыпать.
Господи, красота какая!
Лепит в лицо,
кожу колет, тает.
Улица
то ли летит, то ли теперь
плывёт, просто накренившись. На цыпках
забежать на крыльцо,
дёрнуть дверь
в тепло. Ввалиться
в тропики пустынного отеля.

Ночь. Зима. Камин подрагивает пламенем в фойе.
Отдельно
друг от друга незнакомцы — постояльцы.
По комнатам скрип половиц, вполне,
случайными шагами, как пальцами,
достойн джаза,
что дует в такт из радиосистемки.
(Жилища стенки,
навскидку глаза,
собранные лет сто пятьдесят
назад, наверняка слышали то вживую.)
Кресел спинки —
облокотись, присядь.
Эклектика: век, полтора?

В углу шифрует
время старое пиано,
и странно
смотрится кора
обоев вместо краски.

По зданью ощущение тряски
от поезда, гудящего ночным.
Трещащие дрова
печным
зверьком здесь, в паре миль
от шумного фривея.
Штиль.
Отсутствие за стойкою портье.
Снег продолжает за стеклом.
Как крутится! —
похоже, ветер свирепеет.
Остыл камин, и с ним остóв
гостиницы поплыл по темноте.

Уйти на холод улицы,
где запах табака.
Ку́рится
трубка, издавая пых,
да крúжятся снежинками века,
рождая стих.

(19.01.22)

ШТОРМ

А где же девушки с открытыми плечами,
несущие нам кружки на заказ?
Где лёгкий бриз,
где чаяние
Знакомства? –
Плац,
патио да мокрый лист
осенний
собою глаз
фонарный прикрывает.
Растений
зимние скелеты расчёсывают ночи космы,
качаясь в набегающих волнами порывах ветра.
Все уплывает, забивая водостоки.
От спектра
света виден только тёмный ряд частот,
и в нём домов постройки
нотами во мгле.
У каждой звук,
отличный от соседа,
зависит от пустот,
оставшихся в земле
и не заполненных ещё водой небесной.
Обвалы, сели –
это впереди. Пока что просто:
не покурить снаружи
всю неделю.
Пока что зонт – ещё оружие,
пускай не повсеместно,
но отражающее грозно,
пусть на минуты,
потоки влаги,
и тем нам облегчающее муки.
Доплыть до берега,
Где утонули маки

где стоит ещё авто,
не смытое рекой (случиться позже) –
забиться внутрь, ступив с поребрика.
Снять мокрое пальто –
пусть сохнет кожа,
и плыть сквозь лужи, доходящие до дверец,
считать дела.

Дождь стелется
листами наискось в бессилье фар.
Метла
упавшей ветки бьёт под днище.
Нас смоем всех. Планета станет чище.
Добьёт потоп, что не дожжёт пожар.

Шторм пролетит, и солнце расщедрится.
Моря сойдут, и расцветут сады.
Лишь под ногою хрустнет черепица
напоминаньем будущей беды.

(24.01.23).

ВИДЕНИЕ.

Кринолиновый вечер,
прицепленный к бабьему лету.
Деревянная сцена накрыта от солнца платком.
Музыкальные речки,
бегущие паводком в Лету.
В горле ком
от стихов. Как желтеющий мак,
украинский флаг
на макушке индейского тiпи.
Запах жареного мяса в дуновении ветра.
Человек в кипе
в развалку идёт через поляну
в складных стульях,
стоящих с шагом в полтора метра.
Ты родилась а Киеве, жила в Стамбуле,
в июле
пересекла океан.
Луч заблудившись в липе,
золотит ножки в гетрах.
Ты поёшь волшеббно,
или это мой самообман?
Совершенная
гармония всегда полнит ноты
разрухой планов.
Мы совпали по времени и по месту, —
что это за такой случай?
Кто там, интересно,
смотрит на нас, разгоняя скуку?
Куча
людей вокруг распалась и куда-то канула.

Если я протянул тебе руку
в дружбе,
значит, я тебе нужен.
Не отзывай к ноге мелкую тему нашей беседы.
Лучше
смотри в глаза, где разводы лета

отражаются сеткой
листьев, облаками цвета
стыда в закате.
Перестань поправлять
испуганное ветром платье.
Наше совпадение необходимо принять.
У меня нет от тебя секретов.

Опять
мы допустим меж нами
время и расстояние.
Обречённость рассвета – такова.
Ты уходишь, ты ступаешь прочь по поляне.
Под твоими ногами
не проминается трава.

(11.10.24)

ИЗ ЦИКЛА МЕКСИКАНСКИЕ ЭКЛОГИ

МEXICO CITY БЛЮЗ

Августовский Мехико-Сити.
Автомобильный смог,
пришитый нитями
дождя к островам строений.
Пресытившееся
отбросами вороньё,
вспугнутое,
покидает растения
сада.
Гостиничка. В фойе выгнутые
стулья, ворсистая
обивка в контраст наряду,
твоё
летнее платье чуть выше коленей.

Дождливый Мехико-Сити.
Шины хлюпают в лужах.
Дырки в дорогах не ужас —
норма.
Вздрагивает прохожий.
Опять взлетает ворона.
Названия улиц — блёклы.
Непохожие
друг на друга цветные домушки кружат
прозрачную жизнь сквозь стёкла
оконных рам.
Вечер в Мехико-Сити.
Ресторанчик, ананасные дольки.
Музыкант, выдыхая в маску,
поёт под баян.
Вы сидите.
Глазки
в меню, но столько, сколько
хотите, никак не выпить.

Ночь над Мехико-Сити
раздвигает всё, что можно
раздвинуть, едва кончилось ведро.
Тени
тянутся прочь от земли. В небе,
осторожно
повернув спину,
облака открывают звезду в зените.
В её свете, внизу, в неге
красавицы разводят бедра.

Эпоха гордо
подымает ввысь
столбы стволов — столетние колонны
деревьев, что мысль
о времени презрев в своей спеси,
несут собор под куполом листвы.
Как вдруг пронзает вены,
пучит
кровь сирены
полицейской звук
(на терцию от «си»).

Здесь лучше
мóлится своим, не посторонним,
не выходя за поколенья круг.
Богам плевать, как выглядят кресты.

Нескучный
город —
джаз над Мехико-Сити.
Седой саксофонист в надорванной
рубашке плывёт звуками по узкой улочке.
Над ним — Спаситель
разнимает тучи.

(14.08.22)

SAN FELIPE

Между пивной и «Ла Вакитой»
дорога ниткой
режет пляж.
От солнца шляпкою прикрыта
смуглянка: ножки, даль, пейзаж.

Переживая Сан-Фелипе,
под кружку с пальмой на холме,
где, рукотворный, он насыпан
над полем гольфа. Где вполне
пространство моря в окна вхоже,
где ширь отлива икры гложет,
покуда до глубин дойдёшь,
я был однажды... Светлый боже,
ты память эту не тревожь.
Пусть будет чистая страница:
embarcadero ¹, юбки, лица,
баркас рыбацкий вдаль стремится,
и грузовик: колёса-спицы,
корыто
лодки на прицепе
и бирюзовой глади дрожь.

Между пивной и «Ла Вакитой»
в прицеле
объектива, чуть размыто:
собаки, мусор, арка взмыта.
Шумят, торговлей перевитый,
базар, заправка, магазин.
Среди покупочных корзин
кружится Мексики сомбреро
над кактусом. Над тем, наверное,
что местное являет древо
и сотню лет цветёт один.

¹ Набережная (исп.)

Что ресторанчик «Ла Вакита»?
В нём ресторанный — волокита,
видать, бывал до всяких дам.
С тех пор обрюзг, стареет сам,
но обаятельный, каналья.
Ему б в кино,
его б снимали,
но в Сан-Фелипе — где ж оно?

Окно
и рядом стол накрытый.
В волнах играет la vaquita.¹
Закат лучами пики выткал
на панораме дальних гор.
Пивная, громкий разговор
стекает пеною по кружке,
о чём — не разобрать — не русский.
Вдоль моря розовеют спуски,
простор
вздыхает ветра сушью
по преходящему в насущном.

(07.03.21)

¹ Разновидность дельфина

ПОПЫТКА К ПОБЕГУ

На жёлтое жаркое солнце,
где жареный окунь на жертву к обеду,
где на жёрдочке птичка зовётся
(а кто его знает, как эта порода зовётся?) —
уюду.

Там люди с открытым лицом,
не стеснясь, по пляжу
гуляют.
И в платице девушка с кожей
солёной —
загар над рубцом,
безрассветно знакомым,
что даже
подушечки пальцев его вспоминают.

Там треском
цикады оркестру
пытаются вторить.
Веранда, огни, ресторан,
выходящий на море.
Собирай чемодан.
От заснеженной ночи
убегай без оглядки
туда, где гобой обещает порочность.
Где тряпки
одежд дорогих одноразовы,
то есть одно-сезонны.
Где жёлто-зелёно
по косточке режется манго,
чтоб после размазанным
быть по губам поцелуем.

Я рисую
желанья картинку.
Здесь, на севере зимнем,
противном.
Это небо над Мексикой
никак не вмещается в рамку,
ну, а купленный персик,
с невызревшим вкусом,
надкушен впустую.

(20.12.20)

LAS CABOS БЛЮЗ

Городок, приколотый
бабочкой
рыжих крыш на гербарий горбатых гор.
Радующий глаз прикол
стройных конечностей в тапочках,
от уголков бикини
к щиколоткам, где пробор
песка.
И, прикинь, над ними,
над розовыми хребтами — Рождественская звезда.

Щёлкая замками,
торговец сворачивает киоск украшений
и фруктов.
На шею
повешенный поднос — безразмерной книгой.
Взгляд в море Кортеса.
Пальма, подметающая закат над бухтой.
В основании ствола: амиго
с гитарой, сомбреро —
нимбом.
Сбор туристского песо.

Без интереса
к людям, принимающим меры,
пеликан наблюдает движение рыбы.
Его ужин шевелит плавниками
на подносе прибрежного мелководья,
какая-то будет первой.
Остальные — останутся, испуганы облаками.
В природе,
подчинённой законам пищи,
жизнь — это искусство не оказаться нищим.

(09.01.21)

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Утро. Тротуар. Перекрёсток.
Блондинка. Кепочка.
Из под неё волосы. Разбросаны,
спускаются вдоль тонкой шеи
на плечи.
Далее, облегающая грудь футболка,
талиа, открытые стройные ножки,
спортивные шорты в обтяжку.
Она бежит вдоль проволоки
заборчика вокруг стройки.
За заборчиком трактор.
Возможно,
углубляет траншею.
Роет. Вдруг замер.
Тракторист увидел внешний фактор.
Вздохнул тяжко.
Струйки
воды из лопнувшей трубы потянулись по асфальту.
Ковш застыл в воздухе
Девушка огибает угол. Поют ляжки.
А течь разливается
всё больше. Посуху
уже никак. Она удлиняет шаг,
нога проскальзывает. Шмяк.
Нет — шлёп. Удержалась.
Грациозная рука на заборе.
Но секция под её весом вдруг прогнулась.
Всплеск.
Не верь опоре.
Повело.
Вода заливает площадь.
Рванулась,
зацепилась футболкой. Треск
нейлона.
Тракторист выскочил из кабины на помощь.
Судьба во взоре.

(27.04.24)

ЗАВИСТЬ

Научиться ловить рыбу,
переехать в Орегон или в Вайоминг.
Послать всё на.
Зимой охотиться на карібу
либо
на зайцев
и в местном пабе не встречать незнакомцев,
кроме,
пожалуй что, самого себя.
Не нужна
станет половина гардероба,
куча привычек,
две трети номеров,
живущих в мобильнике своей жизнью.
Да и сам телефон решительно
поделится местом с коробком спичек
в кармане, где будут болтаться оба.
Различные
темы потеряют значение.
От бесед с соседями облысеет
разговорный язык.
Будет время для книг,
но чтение
бестселлера
не победит заката
над гигантским вулканом,
что чёрно-белыми ледниками со скалами
отражается в окне под покатою
крышей
домика, который приник
к склону;
заката, что облака
в массе
вгоняет в стыд, судя по тону
отсвета.
Я, легко одетый,
лишний

зритель, стою на террасе,
где шкворчит на походной плитке
рыбка,
та самая, что недавно еще плескала.

(31.07.23)

КЛАССИКИ ПО ФРЕЙДУ

*Quod licet Iovi, non licet bovi**

Дорогая, представляю, что бы было,
 встретиться мы сколько-то лет назад.
 Поэт (тоже Александр) не написал этого про Людмилу,
 а другой Александр не добавил в «Алые Паруса».
 Стыло бы
 приготовленное жаркое,
 за окном выла бы
 непогода.
 Королевская кровать гордо бы,
 как корабль,
 задирала корму на штормовой волне.
 Расплескалось бы "золотое,
 как небо" содержимое бокала,
 о чём писал другой Александр,
 разбиравшийся в этом тоже, вполне.

Было бы это грехом? – чтобы ты понимала, —
 зависит от точки зрения.
 Быть может, грех то, что ничего не произошло?
 Александры не написали своей версии продолжения
 не потому, что слов не было для предложения,
 а потому, что далее их смела сила воображения,
 которому уже всё было разрешено.

Потому что талия, прижатая так, что кожа
 становится под рукой воском,
 требует другой реалии,
 куда искусство слова, в бессилье своём, не вхоже.
 Что было бы, если б мы были моложе?
 Не узнать, ибо только сломав правила,
 можно выйти за листа плоскость.

* Что позволено юпитеру, не позволено быку (лат)

Итак, то, что автору не по праву или
по роли вообще не сделать,
ибо процесс создания не терпит лишнего, —
герою пристало.
И потому, Александр (см. выше),
выдал красавицу за Руслана.
Пускай тот восхищается точёностью
стройных ножек, охватом стана,
белизной тела,
бесед учёностью,
где-нибудь в степи, да под шатра крышей.
Пускай треск разрываемого сарафана
будет слышен,
порою,
громче, чем всплеск от розы, падающей в бокал "Аи".

Авторы, часто позже, ревнуют к герою,
в кольчуге или же просто в свитере,
прижимающему две твои
и, делающему это на боку́,
лёжа сверху, сидя, или просто стоя,
(зависит, как горизонт юбки задран)
Известно ведь, — что дозволено быку,
нехорошо Юпитеру.

Твой, Александр.

(12.05.24)

ДЖАЗ-КАФЕ

Что тебе рассказать про джаз-кафе?
Одно из последних, дышащих на ладан
строкой саксофона.
В местах, где, закон
не нарушив, нельзя покурить.
Да и ладно.
Открыто в weekend. На ковре —
следы пятен.
Пожилой пианист — в пальцах прыть,
знаменитый ударник, певица, тромбон (чуть невнятен.)
скромно делают джаз на малёхонький зал.
Из сифона
за барною стойкой, за стенкой, в бокал
разливается эль, и патроны,
смеясь и качаясь в синкопах,
ногами стучат по паркету.
В душном зальчике лето.
Вот девчушка из прошлого века,
забросив за спинку пальто,
гонит воздух салфеткой.
Тот веер её
раздувает туман Миссисипи
над воронкой трубы,
чтобы он поднимался под люстру.
Её кавалер, неуклюже рассыпав
закуску,
подначит в пространство: “Играй, не вникай!”
Низкой крыши опоры-столбы
изогнутся стволами.
“Summertime”
Поплывёт. А он вспомнит течение Невы.
Время, место, где дым и туман в пополаме
покрывают буксирный тягач.

Как похоже дрейфует в стакане
мартини маслина, проплывая от стенки
до стрелки,
где остров из кремня.
То же синее небо и ясное
солнце. То же «Летнее время»,
в котором и папа богач,
да и мама прекрасна,
и ты, моя бэби, не плачь.

(03.03.19)

НОЧЬ НАД ПУСТЫНЕЙ

Пустыня хороша
для ловли падающих звезд.
Но вот моих желаний каша
не успевает за мгновеньем.
Всё в холостую.
В сомненье
выбора пылинки светлый хвост,
перша в глазах, сгорает бёстолку.
В настоящее
темноты лишь тишина листает
вóлнами прибоя песка
безлюдье.
И резко так
мерцает чей-то пост,
зажжённой лампочкой, похожей на звезду.
Растянут на песчаном блюде
дрожит небесный холст,
когда, под силою мазка
волшебных пальцев,
брусок луны неторопливо всходит глыбой.
Проста
в пустыне жизнь — шакал за зайцем,
орёл за мышью да рыбак за рыбой.
Вон вдалеке ночной баркас
гирляндю огней ведёт рассказ
о том, что будет сеть и счастья треска
наутро явит мзду
за мокрую работу.
Рыбак прядёт отсвет над тёмным Понтом.
Пускай ему улов отяготит карман.
Просевшая корма
на розовом рассвете
пускай не попадёт под лова квоту.

Когда в распетыи
птиц нет места ни желаньям, ни словам,
то различаешь их по звуков именам,
не надо перья ворошить.
Лети, непожеланная звезда,
ты лучше знаешь, что ещё свершить.
Лети и догорай над горизонтом.

(05.05.24)

ОТКРЫТКА ИЗ ФИЛАДЕЛЬФИИ

Городок, где когда захотели,
то жизнь назначили на конец недели.
Аналогично тому, как в теле
червя
предпочитать его голове хвост,
или как начинать произносить алфавит с «Я».
Что в принципе — не вопрос,
подсмотрев у природы,
которая всё берет из нуля.
Что очень подходит месту,
где начинали страну.

Для чего кресло,
трон,
если по нему
нельзя отличить короля
от остального пейзажа?
Для чего трещина в колоколе свободы,
как не для того, чтобы изменить его тон
звучания?
Впрочем, здесь, не стесняясь,
заменяли сам колокол,
сделав равнозначным приставку и окончание.
Только поменяв свободу и права на нее местами,
в ходе истории, далее,
наблюдаешь уже не пламя,
а сполохи от него.

Воплощая идею, наверное, так и надо —
стартовать из дома, из городка,
от ненавистного всем уклада,
чтобы, спустя века,
умиляться старым фасадам
и гулять под ними собачку,
разумеется, не без поводка.

Освобожденные, продолжат тобою начатое,
что получалось так мило,
политкорректно растрачивая
и тем разбирая стропила,
уже после снятия потолка.

(26.05.23, Philadelphia)

ГОРА

Вершина горы – это форма пустыни,
где след самолёта
всегда под углом к горизонту.
Где скалы и лёд
оживают с закатом
так, что их переплёт
не разнимет пытающий взгляд на кусочки.
Этот сказочный контур:
то гном в капюшоне,
то сфинкс, то песочные
зámки.
Гора — это время, громадой
прижавшее жизни под ногу.
Как странно, что странник,
приюта лишённый,
что я, муравей, наполняющий вечность движеньем,
взбираюсь на копать
вулкана.

Такое смешение
разных эпох мироздания —
есть форма беседы
о чём-то первичном, просторном.
Вот день номер Два, разодетый в снега,
вопрошает Шестой для дознания —
а зачем ему жизнь?
Только осыпь шуршит
под ногой от отсутствия слов.

Но не важен ответ. Как гора порешит,
как вдохнет облака —
только вихрь,
как волшебной рукой, её память – цепочка следов
муравьиных моих —
затирается штормом.

(01.07.23)

ЛЕТНИЙ РОМАНС

Закончились краски, написан жасмин и июнь.
К паденью готовы, созрели событий листья,
так что, кажется, дунь,
и дела, что седой паутиной давно поросли,
перекроет сухая полынь.
За тыном, на юг,
ещё не сегодня потянутся птицы.
Уже и не вдруг,
на плоскости неба рисуя из детства чертёж,
соря на перину травы белёсыми перьями.
И, всё ж,
с вычитаньем никак не возможно смириться.
Но увы,
окружают любимые лица
глаголы прошедшего времени.
Очевидная осень, мой друг.
Повторится
печаль — это точно,
а любовь — неизвестно.
Отшумели местечки,
и бары пусты.
Летний вечер
грустинкой плывёт, и цикады молчанию втроят.
Пáрит чай, остывая в преддверие ночи,
где мы так неуместны,
и в которой лишь свет от потухшей звезды
догорает над морем.

(04.08.24)

ЛЕТНИЙ ТАНЕЦ

Июнь. Жасмин.
Вечерняя прохлада.
Подрагивает первая звезда,
проглядывая
в облаке над тыном.
Прямо
под ней — плеяда
перелётных птиц,
присматривает верные места
для продолженья рода.
День стынет
неторопливым
опусканием ресниц
у горизонта на веки туч,
чтоб после суеты замкнул сургуч
заката.

Жасмин плывёт и память, виновато,
выносит на его волне твою фигурку.
Сквозь четверть века — это очень кратко
и бесконечно. Это кофе в турке —
«Горячий. Осторожно. Дунь!»
Какой-то садик. Долгая прогулка
по дорожкам
насквозь.
Другой жасмин и будущего запах.
Всё, возможно,
уже сбылось.
Так нынче может пахнуть только прошлое —
жасмин. Июнь.

(04.06.20)

СТЕПЬ

Намурлыкать про прерию что ли,
пол-лица прикрывая платком?
Пыль. Ковыль. Разноцветное поле.
Минус лошадь с её топотком.

Плюс — блестящая кровля
сарая.
По соседству: вигвам, грузовик.
Бесконечность — прямая
асфальта,
где авто по велению ноги
мчит куда-то, не выбирая
куда. Сальто
птицы над дальнею месой.
Суховой в понижение реки
крутит столб, пробираясь по тесному
руслу,
где вода по весне лишь, да в дождь.
Ранчо, изгородь, далее — пусто.
Или что-то растёт. Только что —
не поймёшь.

Сказка детства: арба и лошадка.
Барахлишко, винчестер, да шляпа.
Безразмерная прерия. Жарко.
Капли пота над линией скальпа.

(17.06.20)

ШОТЛАНДСКАЯ СЮИТА

Здесь богу гор поставлен обелиск.
Здесь богу ветра поднята волна.
О бесконечном мысль
отчётливо видна
с закатом солнца за далёкий мыс.
Тут звери разные когда-то бороздили лесов просторы;
теперь из фауны — лишь чаек разговоры
над рекой,
многоголосьем в окна, ночь насквозь
летающих толпой по улицам, над мостовой,
вдоль стен собора
на бреющем полёте,
чтоб врозь
рассыпаться в начале подворотни.

Из флоры — есть на обороте
стёсанного камня синий мох,
на памятниках — он же, коих сотни
расставлены — пойдя, прочти кому.
Аванс Малкольму ли за смерть, что ждёт Макбета?
Прили-отливом дышит океан в корму
парома, что пыжится на нём оставить след и потому
пока ещё плывёт. Под ветром
времени так движется волна, вздымая пенный перст,
то вверх, то вниз, как якобитский бунт.

Здесь в летописи нету плоских мест,
где можно встать, подумать, осмотреться.
Земле ли выбирать — кого в неё кладут?
Какая разница, какую форму примет крест,
когда уже не бьётся сердце?
Утёс, отвес
да памятник сраженью.
Дворец, сожжённый как бы по ошибке.
Убийством красится эпоха совершений,
и зритель — я, в ошейник
памяти засунутый по шею.

Я жидким
хлебом упиваюсь, чтоб не казаться взрослым —
жить без милосердия трудно.
А так, чуть спотыкаясь, — легка прогулка
по следам вождя
былого клана.

Шотландский остров
в бесконечности дождя
над маяком, над серыми волнами,
вздымающимися брызги в кручах рифов.
Ишак, коровы, пони, щиплющие криво
растущую круглогодично зелень. Здание
разрушившейся фермы,
за поворотом у, наверное,
заброшенной дороги.
Отроги
гор,
сбегающие в пляжи,
чуть тронуты кустами вереска — цветёт межа.
Да, в розовый узор
зелёно-чёрная на холм одета пряжа
в полоску белых лёсок ручейков, что водопадами спешат
к большой воде в порыве взноса.

Песок, обломки вёсел,
части сети —
всё моет дождь, но, странно, без тоски.
Вот альбатрос,
какую дичь приметил,
ныряет камнем. Стекают белые виски
прибоя по щекám скалы у входа
в бухту.
И светит мягкий свет, что долго так не тухнет.

Я жил бы здесь, когда б к какому роду
принадлежал. Или в другой эпохе родился.
Быть может, в менее паршивой.

Молился
б на рассвете, любил подругу,
мерил время с точностью недели,
глотаю скотч, как воду,
но больше греюсь ожиданием солнца на панелях,
поставленных на небольшой вершине
и обращённых к югу.
Тогда, в конце несметного количества
забот, вдруг всё, что медлили
обнять своей любовью,
как этот край, под кожу б пробиралось.
Ни электричества,
ни интернета. Фонарик в изголовье
шаткой койки. И красота, смывающая старость.

(20-31.07.19, Scotland)

ИТАЛЬЯНСКОЕ ТРИО**КОЛИЗЕЙ**

Эти камни
видели больше крови,
чем нарисовано в Ватикане
на картинах, висящих по стенам.
Только они молчат.
Подогнаны вровень
друг с другом, они — бесполезный свидетель бранных
тел и того, кто кого из них как кончал,
протыкая, рубя, душа,
разрывая на части,
наматывая на колесниц ножи.
Врага можно прощать,
только когда рассчитываешь его пережить.
Властно
поднятый палец
или в ярости опущенный —
здесь ни причём.
Помилование — симптом убийства.
Этот кирпич помнит и тех, и этих. Катится с опущенными
поводьями повозка,
песок арены
по плечи замечает возницу.
Сноска
на другое время —
бессмысленна. Смерть всегда оставляет воронку,
пустую глазницу,
ротонду.
Колизей —
это первая версия. Здесь было жарко, громко.
С тех пор ямы только идут плотней.
И лишь молчание камней
непробиваемо для бомбы.

(08.04.24, Rome)

SIENA БЛЮЗ

Городок, где всё, что могло, уже случилось.
Крепость разрушена,
замок продан.
Засушенная
история разложена по кружеву
древних улиц коллекциями по видам и по родам
и отдана на милость
породам
разных туристов.
Городок, где всё, что творится –
это скачки по кругу,
в котором Возрождение, начавшись, заблудилось
чумы порою.
Мастера гением таланта вызывают к богу,
но пронизанный его духом
готический собор
навсегда недостроен.

Из того, что может ещё случиться —
птичий хор
на седом рассвете,
разбудив пейзаж,
оживит статую, на которой дети
сосут волчицу.
Да субботы вечер
подслушает, как раскованное средневековье,
не снимая доспехов, танцует джаз.

(13.04.24, Siena)

АФРОДИТА

Здравствуй, волшебник Алессандро.
Жизнь назад, когда мы встречались,
я был стеснён в средствах и беден опытом.
Тогда экспрессо с круассаном
подрывали бюджет,
оставляя лишь на входной билет,
исключая днём сдобные
хлебцы, сэндвич и тому подобное.
Тогда тобой нарисованные Венеры — обжигали,
ибо, выведенная кистью, моя жена
притягивала своей светящейся кожей.
С тех пор мимо прошагали
армии, невзирая на
то, что впятеро возросла цена
за вход, и булочки с кофе тоже
сумасшедше подорожали.
Ты по-прежнему глядишь вперёд
и вдаль с автопортрета.
Но у Афродиты видны морщины,
пропала талия,
а стройные ноги
покрывает рисунок вен.
Не пойми меня неправильно, —
она прекрасна, а то, что многие
мужчины
не видят из-за стекла отсвета,
никак не мешает взгляду находить то, что выше колен.
Стравливая
в ревности века,
отделяющие действительность от идеала,
твоеё волшебство пребудет,
ибо рука
Создателя, когда творить перестала,
существует в другом мире, чем люди,
каждый раз выписывая любовь с начала.

(12.04.24, Florence)

ВОЗРАСТ ВЕСНЫ

Количество грусти давно измерено в рюмках.
Пора продвигаться дальше,
в горные городки,
говорящие
августом, горьким элем
с придыханием мачтовых сосен, елей,
с запахом реки
в шлюпках,
болтающихся у причала.

Пора начинать сначала.
С ресторанчика с видом на марину,
где местные, пара звёзд,
под настоящими делают джаз,
безжалостно разрывая спину
виолончели. Час
после заката. Многопородный пёс
изучает помойку в надежде
на еду с краю, у тротуара.
Фемина в разрывах сатина,
в тонкой,
шевелиющей глаза одежде,
походкой
завоевателя плывёт к стойке бара.
Трубач застрял на высокой ноте.
Зачем всё это?
Крик зверей, свара
енотов,
не поделивших еду с собакой,
крошки
сладкого,
застывшие в пятнах пены
на деревяшке
стола. Колени,
ножки,
текущие с высоты барного стула?

Запить печаль. Сплюнуть,
начать с продолжения.
Сбросить возраст с плечей,
встать, надвинуть кепочку,
пройти сквозь стены
и, лишенному притяжения,
слушать звяканье
поставленных с кряканьем
стаканов, разговор без конца
на избитые темы,
трубу и виолончель
и вспоминать будущее — девочку,
так и не повернувшую ко мне лица.

(17.08.24)

НОКТЮРН

Прекрасных дней скупое бормотанье.

Конец каникул

в препинании

солнца лика

сквозь облака.

Бакланов крики

над рокотанием

прилива. Точёная строка

твоей походки

вдоль кромки

пляжа.

Что скажешь?

Может, задержаться на подольше,

неторопливо вызвонив дела?

Но тоньше

тонкого протянется грустинка

в цветных песках,

ей вихрь вто́рит.

Смотри, вдоль кактуса ствола

парит гора

над бледною простынкой

моря.

И нам пора.

(30.11.24)

НОВАЯ ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА

ГНЕВ

Опять мой народ под ножом мясников.
Неужели врасплох
был Всевышний захвачен?
Бьётся сердце открытое нагишом,
пересохши от плача.

Не устав ненавидеть, не смолкают уста.
Та девчонка —
чиста,
тот младенец — невинен.
Этой сволочи чёрной
мало будет дубины —
она слишком проста.
Мало будет зарницам, попадающих бомб
освещать эти рожи, а не лица и лоб.

Я лежу на дороге. Вой сирены вдали.
Мне отроги горы там, на юге, видны.
Вниз по склону идёт человек босиком.
Он скрижали несёт в развороченный дом.
В нём песком
покрывает пустыня тела,
там, где жизнь навсегда в никуда утекла.
Нам останется месть, обнищавшая злость.
Мой народ, что у мира — застрявшая кость.

Этой крови не счесть, не измерить реки.
Я встаю во весь рост, отряхнувши пески.
Мы живём вопреки.
Мы читаем скрижали.
Мы в ответ на вопрос на курок нажимаем.

(08.10.23)

* * *

Не говори мне ничего ни про слова,
 ни про ветер,
 который их разносит над пустыней.
 Молчи. Сливай
 воду на руки, бормочи молитву.
 Но сперва
 оттереть их от равнодушия до сини
 попробуй.
 Выросшие в сытости
 не понимают ни битву,
 ни разрушенную ею землю.
 На взорванную утробу
 жилья не глядят сквозь слёзы.
 Приемлют размытости
 очертаний рытвин,
 не ищут в них разбросанные контуры тел.

Я там не был, но я там есть,
 потому что у меня вот тут и вот тут болит.
 В том месте – полость.
 Удёл,
 в котором и живет душа, где она не молчит.

Когда монолит
 мрака опять собой закрывает восток,
 слова разума – всё глуше.
 Они – ветер над пустыней.
 Не закапывай голову в песок.
 Война и твой висок
 найдет, и тогда равнодушие
 уже стыда не имеет.

(20.05.23)

СУККОТ

Девочка просила у Бога:
"Забери меня из лап людоедов!"
Плакала,
прижимая пораненную руку,
спрашивала:
"А куда моя бабушка делась?"
Долго
гготали ей в ответ мясники.
- Не строй дурку!
Сиди тихо. Поворачивайся, подставляй тело
для осквернения.
А у девчушки — глаза васильки.
Дрожат колени.

Девушка вопрошала Создателя:
"За что? Чем провинилась?"
Из бетонной комнаты звёзд не видно.
Порвано концертное платье.
Отбиты
каблуки, лодочки развалились.
Вились
пряди, намотанные на ствол.
Голод. Боль.
В глазах убийцы всегда нарисован ноль.

Старая женщина
просила у палача
таблеток, воды.
Давление, наверняка, подскочило.
«Господи», — шепча:
«Ещё бы день продержаться.
Пошли силы,
покуда слова молвлю.
Внука выведи из беды,
ведь всего двенадцать!»
Сломанные кости в пакете на молнии.

Суккот —
 праздник жизни. Щедр Всевышний
 к семени Моисея.
 Скот
 распуган, убит. Лежит
 навзничь хозяин. Тоже не дышит.
 У младшей дочери — на бок шея.
 Остальных угнать. На глаза повязку.
 Связать, бросить в повозку.
 Пристукнуть,
 чтоб не орали.
 Над Израилем
 светит солнце. С точки зрения спутника
 на орбите — всё нормально.

(23.10.23)

ХРАМ ЛЮБВИ

К ночи я возвращаюсь из города мёртвых.
Переплываю Нил.
Меня встречают прекрасные жрицы.
На алтарях, истёртых
от любовных схваток,
не оседает пыль.
Облака,
огни над столицей
отражаются в стоячей воде
лагуны, как второе небо
в переплетениях лучей звёзд.
Вечер садится.
На гряде,
на гребнях барханов удлиняются тени.
Я возвращаюсь из города мёртвых, где я замёрз,
пока прошагал
его из конца в конец
и уверился, что он пуст.
Мне встретился лишь шакал,
да, среди колец
своей паутины — степной паук.

Жрица,
не открывая уст,
(обет молчания
не терпит звук),
возврати меня в жизнь. Мне некуда торопиться.
Подари тепло, чтобы им мне себя расплавить.
Принять, смириться.
Увиденные картины отчаянием
затопляют рамки памяти.
Лица,
замученные лица,
размываются во лжи
слов, вспучившей шумы
многоэтажного города живых.

Я не принадлежу ему так же,
 как и городу мёртвых — чужд.
 Здесь, в храме любви,
 стоящим между
 уже и ещё,
 прими мою жертву. Возьми
 это тело, используй, порви,
 выбрось. Это не мой расчёт.
 Это — нужда и это — надежда.

(11.11.23)

ЯЗЫКИ ВОЙН

Жить в раю, говорить на любви.
Босиком по песку вдоль кромки воды
по твоим следам, до половины
размытым.
А где-то там идут две войны,
где два раза мне быть убитым.
Ты себя не вини.
Где-то тут, над розовым морем,
облака лениво цепляют горы,
буганвилия
краснеет оттенком крови,
и фонтаном ветки шумят над кровлей,
целой, не проломленной долетевшим дроном.

Здесь, в раю, птицы паучка не тронут,
на любви щебечут,
и нам их речь понятна.
Я за тобой бреду, ссутулив плечи,
на мостовой оставляя пятна.

А ты скользишь по пляжу.
Из под короткой юбки — волшебство ножек.
Далее хребта кряжи
чернеют под твоей походкой,
как домов фасады от пожаров в саже,
потому что били прямой наводкой.
Там меня положат.
Там до рая близко.
Прикоснуться б к коже в тишине, стиснуть.

Я в плену у зла. Ни еды, ни света.
Выхода из склепа
не найти на поверхность.
Духота и голод — недалеко до краха.
Лишь надежда не меркнет.
Я о ней молчу на языке страха.

Терпкие
 мысли в раю не вызревают.
 Ах, лазурное Средиземное, –
 отражает
 нас в волнах с внешнего края,
 под качание любви. Безразмерное,
 светит солнце над пустыней,
 как над пшеницы полем,
 жжёт глаза,
 кружит в танце. У теней
 плещут руки.
 Убитого лови да в рай бросай.
 Я шепчу на языке муки,
 я прошу на языке боли.

(14.03.24)

ВОПРОС

Всемогущий,
неужели нельзя было придумать что-то другое?
Опять эта гнущая
тело боль.
Опять Израиль с Персией
не оставлены тобой в покое.
Что это? — новая история версии 2.0?
Что они ничему не учатся?
Опять мученица
Юдифь с мечом будет спасать народ?
Опять лучники,
катапульты
с баллистическими стрелами,
и опять с востока орда прёт.
Снова плечом
к плечу вдалеке от дома. От ласки.
От нежности. Стоять против орущих полчищ.
Благодарю, что поспела к Пасхе
американская помощь.
На новые доспехи,
по местам разломов старых —
тело прикрыть,
новые огненные колесницы.

Прикрыть ресницы.
Не вспоминать резни кошмары.
За победы грядущих битв
молиться,
раскачиваясь, растрчиваясь.
Не потому ли стремится всё повториться,
что неизменны слова молитв?

(26.04.24)

РЕАЛЬНОСТЬ

Я уже не расту, повторяя изгибы жизни
тех, которые передо мной прошли.
Мы — колосющийся лес
из кривых стволов.
Как и все,
я так же путаю мысли,
крошки которых лишь хороши,
чтобы шить покров
для души
той, что ещё различает числа.

Когда лицу требуемы белила,
не затем, чтобы разбавить розовое,
но чтоб закрасить серость,
то время вопросов
вышло,
и пора выживать на ответах,
как бы этого ни хотелось.
Перестать спешить,
(от этого в памяти потом дыры),
беречь тело — одноразовый пакет,
в котором душа плывёт по миру
со скоростью, в моём случае, —
две страны за одну жизнь.
Научиться ценить лучшее,
прощая всё остальное.
Туча
наступает на Иерушалаим.
Выдержит ли стальной купол?
Принимая
то, о чём скупое
говорил пророк, стоя
на круче холма, —
главное — не сойти с ума.

(11.03.24)

ИСААК

Я потерял тебя, и боль непоправимей пустоты.
Да, дни мои заполнили заботы,
свершенья дел, сплетенье тел
в награде пота.
Лишь луч не разрывает темноты.
Просты
слова потерянного смысла.
У них бессилен звук.
Рука с ножом в сомнении повисла.
Гляжу, но нету агнца вокруг.

Я потерял себя. Вина моя, твоя ли воля?
Мой плуг
смятений роет до крови.
Но как соврать?
Раскрой, что никогда не перешить,
порви
на доли.
Не страшно, что с виною надо жить,
а страшно то, что с нею умирать.

(22.09.24)

ОТРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ

ИЗ ЦИКЛА «ОСТАНОВЛЕННЫЙ РЕЙС»

БЛЮЗ ПЕРЕМЕНЫ МЕСТ

Уехать, скажем, в Сан-Диего,
под пальмы,
к югу, по любви,
чтоб в декабре опять в сандалиях
в телеге времени явилась негa.

Чтоб, с видом на американский флот
вдали,
курить на пляже в нарушение знака,
где бёдра и живот
твои
прилипшим покрываются песком.
Пускай, однако,
видят в свой морской
бинокль моряки
красавицу;
за нею пароход на рейде,
меж островами.
Пускай, отливу вопреки,
баркас старается
на берег к бунгалo под рыжей крышей,
где цапля длинными ногами
роет пропитание.
Пусть в свете
разноцветном перед тайной
Рождества
в гирлянде ель.
(Чем городок южнее, тем эти ёлки выше.)

Уехать от. Из цeлей
волшебства,
реальность заменяя на надежду.
На то, что книга без листа
с сюжетом прежним
покажется, осмысленно проста.

Уехать, скажем,
в горы,
в заповедник — смотреть красоты,
убежать людей.
Разнообразием флоры,
формой кряжей
пустоты
заполнять в восторгах дней
быстротекущих.
Всё лучше,
чем на севере, где тучи
да мокрый снег над множеством огней.

Где жизнь застыла, масками набычась,
сложилась так, что можно только вычесть.

(28.11.20)

ГОД ПЕРВЫЙ

Мадонна заперта
с младенцем. Без исхода.
Притих Египет, поражённый казнью.
Лишь ножкой шевелит дитё,
да камера
выкладывает в сеть движенья праздник
по воле кода.
Свобода
отнята. Оставлены питьё
да интернет. Подавленный Иосиф,
один без всех, за океаном расстояний,
проигрывает клип. А после
наливает и подносит
ко рту. Но отставляет.

Станным
младенцу кажется наказанное время.
Он не по дням растёт, не по часам умнеет
и ножками сучит, и в гневе топчет
летающую по воздуху отраву.
Мадонна сухо кашляет,
но, отвернувшись, правую
грудь подставляет — прочее
не важно.

Он громче
сделает пришедший клип про бэби.
Сыр на мацу — под это точно выпьет,
поведя рукою,
крякнув, чуть выпрямляя спину.
Отметив, что над царством карантина
звездой надежды в низком небе
проходит «Боинг».

Другую
стороной своей явилась вера, падре.
Само собою образуется лекарство
от болезни.
На что правители? На что им царство?
Итогом всех известий —
мадонна в кашель там опять, за кадром.

(04.05.20)

CARNEVALE

Мне смерть глядит в глаза
над масками прохожих
и ветром шьёт по коже.
Чтоб руку не подать — стреножит
мысль. Курсив людей без лиц,
где я неосторожной
кляксой
на страницах
улиц.
Я жадность к жизни — нарушение границ.

Я память о былом, чему сейчас не место,
как звук трубы, сломавшей Иерихон.
Я будущий соблазн, пришедший не в сезон.
Как пресно
наблюдать безгубую невесту
с безротым женихом —
явилось б это сном.

Кино-ужастик, клип, где я невольный зритель.
Историей сюжет
от времени затёрт.
Кому б вернуть билет
и, чуть пригнувшись, выйти?
Но в клипе появляется ещё один актёр.

(28.07.20)

ZOOM

Давай соберёмся
толпой единиц и нулей
на дружеский митинг.
Хоть эта реальность дана в ощущение глазам.
Пульсирует, бьётся
портрет без теней
в разделённом на части экране.
И выйти
из комнаты в ночь покурить — только сам.
Нас странно
пугает текущее время возможностью смерти.
Пускай не сегодня, ещё далеко горизонт.
Только вертится
мысль, в тверди
лба углубляя морщины.
Да забыт вкус ризотто —
по известным причинам
закрыт ресторан — где только на вынос
теперь наливают «pression».

Так чокнемся, друже!
Так выплеснем пену наружу.
Пусть кнопки залипнут,
как мы, неуклюже
обнимем друг друга, похлопав по спинам,
в компьютерной луже,
навечно при жизни застынув.

(20.04.20)

ЕВРЕЙСКИЙ ДОМ

Ну что, Марленочка, туманный Сан-Франциско?
Коронавирус.

В дом престарелых не пускают даже внуков.
Всё развалилось.

А ты, как в детстве, снова в группе риска —
при встрече, значит, ни щеку, ни руку
не подставить. И слова не с кем.
Всё по-английски.

Что эпидемия?

Видали много хуже!

За окнами, снаружи —

зима, а всё светло, и видно выросшие
тени от деревьев на тротуарах,
дрожа, теряют листьев кружево.

Несовместимость траура
людей с природой тем объёмней,
тем контрастней,
что, кроме

опустевших улиц да пешеходов в масках,
особых признаков у смерти-то и нет.

Марленочка, нам столько лет.

Война, разруха, ласки,

твой с импозантным выцветший портрет.

Мы глазки

строили. А сколько же нам было?

Семья, заботы, дети — как у всех.

Немного пыла

ещё осталось. Вкус на ужин, на смех
с подругой, на книжку перед сном.

В ответ

на страх мы заперты листом
указа на стеклянной двери,
ведущей в комнат ряд.

Всё без толку. Должно быть, первый
случай уже давно. Лишь нам не говорят.
Искусственное лёгкое, поверьте,
такая гадость. Трубка внутрь.
Какой-то грипп. Ни поскользнуться с выси,
ни упасть на кухне, разбивая утварь.
Ни даже случай под трамваем.
Да, так бывает,
что развязка смерти
не тянет на масштабность жизни.

(13.04.20)

* * *

Человек состоит из оставленных за собой вещей.
 Из плащей,
 ключей и вообще
 из всего, чем, дорож́а,
 обрастает тело, живя на месте.
 Плюс из известия
 о тела смерти,
 ползущего, как пожар
 по сухой траве,
 по электронной почте,
 сообщениями на мобильник
 и прочими
 способами, стучащимися извне.

Несомненно
 наличие неумирающей части,
 вызывающей жалость.
 Части, что была, есть и пребудет.
 Она дополняет тело, особенно в старости,
 когда полной грудью
 уже не так дышится, как дышалось.

Ещё люди,
 не все, а лишь некоторые,
 состоят из любви.
 Сначала к точёной фигурке за векторные,
 стройные ножки,
 за извивы
 волос,
 ещё за что. Потóм
 уже просто,
 невзирая на потухшую кожу,
 в голос не задавая вопрос —
 заштопанные
 носки — как объяснение в чувстве.

Устье

ручья, чьи воды размывает морской прибой,
не ведает постоянства своих берегов,
где струя смешивается с волной —
они бессмысленны.

Лишь вода — мутнее.

Человек — берега, высланные
вещами. Живёт, как умеет,
оставаясь памятью про любовь.

(19.09.20)

COSTA DE MORTE

В городке, не попавшем на карту
большой страны,
мы гуляем без масок
и кажемся всем странны.
Опускаем глазки
к асфальту,
туда, где вода, где в ней
ножки отражаются постройней.
Мы заразны
смертью,
наверное, и давно.
В круговерти
дней мы течём, позабыв про дно.
Но поверьте, жители городка,
чем брать
наши деньги, лучше — не умирать.
А пока, целовать
туда, где щека,
хорошо избегая губ.
Не бояться жить, не стесняясь плыть в облака,
обогнав испуг.

Городок гудит, словно улей пчёл,
и осенняя шумит по нему гроза,
и поток течёт.
Я обнял плечо. Губы на глазах —
пусть любовь прочтёт.

Только карта оборвана с уголка,
где название напечатано городка.

(13.09. 21, Spain)

* * *

Ну что, мой Санчо? Пять веков спустя —
ни мельниц, ни доспехов, ни копья.
Лес, точно стража,
собрана в конвой,
обрыв каньона с высохшей рекой —
пейзаж бумажный,
замок из вранья.
На что бы, Санчо, это променять?
Быть может, ранчо, доброго коня,
и всё опять сначала?

Мы опоздали. Хлопаем штаны —
в каком кармане есть ещё табак?
Всё, что звучало, —
только эхо фальши.
Мы строили, а оказалась — жгли.
Опять эпоха,
где мы не нужны,
где лишние. Что дальше?
Платок — капитулянтский флаг,
привязан к локтю.
Будет под рукой лицо прикрыть, когда б в какой кабак,
где похоть
и порок, и нищета души.
Как получилось, что мы тут себя нашли?

Столетия вертятся, паршивые собой.
Прости мне, Санчо, что тебя вовлёк.
Какая мельница —
не победить. Отбой!
Мир — пепельница
жизни.
А небо так же всё недостижимо,
особенно, когда ты мотылёк.

(26.08. 21)

ИЗ ЦИКЛА «ФРАГМЕНТЫ КАТАСТРОФЫ»

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Здравствуй, мой дорогой!
Я пишу тебе это из города,
в котором уже никогда не буду.
Он теперь груда
воспоминаний,
а не гордый
владелец улиц, протянувшихся над водой.
Расписание
моего визита не имеет временных рамок,
а спешка или опоздание, странно,
не властны изменить скорость
моей походки.
Здесь я не тороплюсь домой,
чтобы в полость
цветных коробочек
раскладывать облатки
таблеток по дням недели.
Короткие
юбки, украдкой взгляды девочек,
идущих на встречу, отвлекают внимание
от поисков мелей
в лужах вдоль мостовой.

Расстояния
в памяти противоречат местности,
а припорошенный пушком
времени смысл речи —
слышнее слов.
На пороге вечности,
в шуршанье листов,
нечего и надеяться, что хотя бы к вечеру,
жизнь вернется на круги своя.
В этот город мне уже не войти пешком.

Вояж
невозможен. Проигранная война
отменила визы
и запечатала погранпосты.
Что представило миру вид снизу
на навсегда поднятые разводные мосты.

Я стою на набережной
и смотрю на равнодушно текущую воду,
преломляющую
падающий
случайный луч так, чтобы он не дал света.
Но разве нужен свет, чтобы смотреть сквозь годы,
набегающие волной?
Судя по всем приметам,
этот город — мёртв,
а это письмо к тебе, дорогой,
останется без ответа.

Истёртый
автомобильными шинами поребрик,
вынутый из контекста переулка,
цепляет каблук
ковбойского сапога в Америке.
Спотыкаясь, в порядке,
отпускаю терпкое словечко.
Его звук
обрывает нитку памяти, чья шпулька,
растрёпывая остатки,
катится и исчезает в речке.

(12.05.24)

НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ

Что мне сказать вам, вырвавшимся из ада
на воздух, в сады, где любовь
цветёт?

Что пожелать? Чтоб снаряды
промахнулись, чтобы их вой
не будил, не ломал снов.

Чтоб затёртый

свитер согрел, прикрыл собой
в холодной квартире многоэтажки
по возвращении домой.

Что самое важное
пожелать? Но нет у меня слов.

Язык украден, осквернён.

Нищий, я смотрю на беду,

на вас, от неё сбежавших,

а вы сидите в скверике —

в пустоту

взгляд — и слушаете тишину. Каждый
свою.

(09.01.24)

КАХОВКА

Я бы лучше писал, я бы философствовал:
как время берет своё,
как мудрость золотит душу.
Как шпана, что посвистом
разговаривала во дворе,
выросла и теперь музыку слушает.
Как гнильё
событий, каким я, постарев,
был свидетель,
определило историю,
отменив по дороге память.
Но я могу лишь о войне.
Об украденных детях,
и как в одном поколении уже ничего не исправить.
Извне
потопа жилища видны, как камни.
Переступая по крышам
можно добраться дóсуха.
Плохо
лишь, что взгляд, поднимаясь выше,
над зданиями,
не находит рамки
у этой картины. А моя задержка дыхания
не находит вдоха.

Обезьянка, наверное, билась в прутья
клетки, когда тонула.
А слон кричал, вытягивая дуло
хобота выше, выше.
Зоопарк не минула
судьба подводной лодки.
Ту не подняли, чтоб утопить орудья,
а здесь — животные людям
оказались лишние.

Армия ли не выпустила,
или как это было,
что тех, за кого в ответе,
не спасли, хотя и хватало времени?
Пленных жителей предали смерти,
обрекли на корм рыбам.
Сволочной режим гнилой империи
всегда убивает детей, зверей и своих рабов
в преддверии
краха, перед остановкой пульса.
Спасайся, кто может. Живи, плыви!
Пока густ
предрассветной тьмы покров,
я бы хотел о любви,
но получилось лишь об её отсутствии.

Празднуня труса,
переключаю новости,
но уже обожжены глаза,
и крепость
памяти
не выпускает боль.
В грудной полости
есть только ненависть.
Её не вылечить, а лишь беречь да ранить.
Вода, терзая,
отступает, оставляя соль.

(11.06.23)

ОДНОКЛАССНИКИ

Дожившим до потери ума —
нам останется пепел стихов.
Память о том, что была людоед-страна,
от которой бежал
и был таков.
Ничего не жаль.
Ни пробитых лет,
ни друзей бесхребетных,
оставленных далеко.
Та страна сожрала́ их давно в обед.
Над останками поле из васильков.
Непрестанно солнце, ни тени лжи,
мы живём «по правде» — скажи, легко?
Только память лепит вдруг миражи
из осколков детства, из лоскутков.

Ну какое дело, что там сожгли,
поломали, выбили ногу, глаз?
Ошалелый, маршевый прёт режим
из тех, с кем ходили в десятый класс.
Никодим был добрый и не дурак,
а Алёша вовсе — такой талант!
Как один другому по рёбрам, как?
По скуле размазан тюремный план.
И война, о боже, опять война!
Не лица — рожи подняла́ наверх.
Кто ложится в пашню, как семена,
а кто пляшет, страшный исполнив грех.

От имён ушедших осела пыль.
Мысль
признала ясный чужой язык.
Размышляетмышь — поколение выживших,
кто умом не сник,
вряд ли чем-нибудь удивишь.

(18.05.24)

ТУРЧАНКА

Ночь напролёт до первых муэдзинов.
В компьютере война с плохими новостями.
В грязи
дорога. Азия костями
гор впивается в глаза,
черешней в тело – полными горстями.
До вылета – два дня и полчаса.
Не лести
себе: всё будет только хуже.
Нет возвращенья.
За побег – есть срок.
Дитё растёт без мужа,
без крещенья,
и выбор весь опять
из трёх дорог.
А вспать –
никак. Часы неумолимы.
Глушить вино. Порок –
как это глупо!
Чуток
забвенья голову вскружит.
Мираж приюта – доля пилигрима.
Мгновенье замерло. Надежда впала в ступор.
Скупое время продлевает жизнь.

(13.07.23)

2022-й

И встал тогда первый судья,
посмотрел на меня и спросил:

— А где ты был?

Я, потупив взор, отвечал:

— За счастьем уйдя,
позабыл.

И встал тогда второй судья,
посмотрел мне в глаза и спросил:

— Почему молчал?

Руку на сердце кладя,
я пожал плечами:

— Ведь не я платил,
и потому прощал.

И встал тогда третий судья,
посмотрел мне в душу и спросил:

— Почему черства?

И я, припадая

на одно колено, умолял:

— За других боюсь, трушу.

Но не подобрал слова.

И тогда трое все они встали

и посмотрели мимо меня.

— Материал неплох, но опять не вышло.

Родился мальчик — вес, рост, охват талии.

В тело чип вшили.

Подрастет к утру года, месяца, дня.

Всё ж пока человек. В начале.

(14.06.23)

* * *

В общем-то, не повезло:
ни с языком, ни с местом рождения, ни с культурой.
зачем оно, ремесло
сказочника,
если всё потом на макулатуру?
Зачем красочное
полотно,
если в него заворачивают кости?
давно
уже одержали победу, и кровь,
и пот так, что ворона вороне вторит:
«Беги, иди, ищи крова!»
Война — это манифестация злости,
где бессильное слово
в пересохшем рту — не подспорье.

Я уйду с отступившей водой
потопа вместе.
Останется перегной,
бомб осколки,
холм, да земли ком.
Да перекрестья
из пик
над теми, что убивали один язык.
Ах, если б только
сочинять сказочки на другом.

(21.07.23)

* * *

В.Б.

Любимому другу подарить гитару,
 которую вживую никогда не услышать.
 Брызжет
 слюной диктатор.
 Рыжим
 ржавеет по границе со свободой война.
 Тишина
 в дружбе (как бы не подставить)
 ведет диалог струнами,
 которые не подстроить.
 Давно расставлены точки,
 и только память,
 неуёмная,
 согревает несбыточным,
 ворошит мысли.
 И только тёмное
 время суток строчек выточкой
 тянется по ненаписанным письмам.

Прежде на
 двоих когда-то хватало редких встреч,
 так что мир кружился, танцуя
 сиртаки или ламбаду.
 Прожженá
 с тех пор не одна дыра в одежде,
 изношенной возле плеч.
 Выворот на изнанку, на лицевую –
 как отличить?
 Зажечь лампаду,
 листать фотки в телефоне, который молчит.
 Слушать канонаду
 новостей
 о чужой смерти.
 Разучиться сжимать гриф в горсти.
 Да и как тут петь, когда пусто для песен сердце ?

(16.08.23)

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА

Ты родилась, когда включили чуму.
Пошла в ясли, когда началась война.
Потому
тебе зачтётся и нелюбовь, и беда.
И ни к чему
колокольчику
звенеть, отражая пустые слова.
Ни к чему поддакивать, повторяя враньё.
Все большие, кто перед тобой виноват,
пройдут, и их уже ничто не вернёт.

«Трынть-трава»

всегда вырастает там, где посеют ложь.
Но, ничтоже сумняшеся,
история перепишет себя сама.
Ты береги добро, а зло не трожь,
и всё получится хорошо.
Поломав
планы, будет день приходить и приносить снег,
но в твоих глазах будет весна греть
и растоплять лёд.
Ты – цветок свободы, мой юный грех,
и пусть в тебе вызревает небесный мёд.

Клеть –

твоя колыбелька – стоит в лесу,
где в грозу,
прячась из тени в тень,
бес бесу выдирает шерсть.
А какой витязь войдёт под деревьев сень,
то, считай, пропал, —
отберут жизнь, измарают честь.
В тех краях леший правит разбойный бал.
Но, покуда тебя там мать хранит, —
дай ей бог удачи, да хитрость дай,
но, покуда то́чит
вода гранит,

Колокольчик,
пой про любовь и рай.

Напоминай,
что свобода – она внутри,
и другая прямо лежит стезя.
Говори,
читай не на одном языке.
Убегай из мест, где время идёт назад,
босиком ли, в одном носке.
Уходи, не бойся пребыть одна,
Не оглядывайся. В возке,
да хоть на арбе.
Ты родилась, когда началась чума,
растёшь, покуда идёт война.
Ты давно уже за всё прощена,
и, наверное, я в тебе.

(29.12.24)

НОБЕЛЕВКА ЗА МИР

Человек, изобрётший динамит,
 благодарит
 Всевышнего,
 награждая людей
 за то, что у него самого не вышло.
 За нынешнее отсутствие идей
 у своей души
 он вымаливает у вечности:
 "Не спеши
 стирать ластиком
 времени имя моё из эпох.
 Я был не так уж плох,
 хотя всё-таки, всего лишь мох,
 точнее сцена,
 на которую сегодня восходит всяк
 не дурак, не лох,
 не ангел, не свет, не мрак."

Я пишу это и мои слова – пена,
 на языке, которому не суждено
 долго быть.
 На котором хорошо говорить,
 как бить морду,
 красть то, что не сожжено,
 служить, гордо
 заглядывая в глаза
 злу,
 и врать, что взрывчатка
 подобна веслу,
 которым гребя назад,
 разрывая воду, двигаешься вперёд.
 Язык, на котором перчатка
 имеет цель
 ту, чтоб она затыкала рот,
 а не согревала, не берегла в мороз,
 от которого даже ель
 трещит, вытягиваясь смирно во весь свой рост.

Взрыв убивает всё,
остаются только слова,
которыми несёт,
как желудок от страха.
Губы шепчут – прости, но горло продолжает рвать
на ковёр, на подиум. Только смерти запаха
уже нёкому подойти, чтоб убрать.

(06.04.24)

БЕЖЕНКА

Ты опять убежала на юг и сидишь на пляже,
потому, что ноябрь и Питер –
это дыра в пейзаже,
сквозь которую тянет выйти,
выпить
крепкого и, закусив конфеткой,
отважится вновь кокеткой
слинять подальше.

Потому что война. А Питер
отрицает существование нитей,
за которые марионеткой
им управляет режим.
Однако редкий
не скользит прохожий в жиже
из снега и лжи.

Ты лежишь
на пляже,
и твои заботы просты, как вода:
найти б кого-то, чтоб как тогда,
пригласил бы на ужин, где ты бы меняла роли,
не взирая на куража пропажу.
А что года?
Если есть сила воли
ходить в спортзал,
то время, испортив
лицо, отступит перед твоей фигурой.
Напрягая глаза
кавалер в возрасте, сам с понурой
походкой, примет тебя за
предмет своего желания,
к исполнению которого и устремится.
Ничто в этом более не огорчает,
ни то, что ты подаришь его ему в шоколадный
вечер,
так что он растворится

в тебе, словно сахар в чае.
Ни то, что это не распрямит твои плечи.

Потому что война. И к чертям тот Питер,
где не солнце в зените,
а проштопано небо следами взрывов.
Потому что вырыв
другому яму, —
схоронитесь в своей и ждите,
и в этом — карма.
Хоть беги на юг. Хоть исправно
находи одного, другого, живи не глядя.
На тебе та же кровь, спасенья которой ради
ты собою платишь, снимая платье.

(25.11.24)

ИЗ НЕДРУЖЕСТВЕННОЙ СТРАНЫ

Моя милая, дорогая!
Я пишу тебе словами – призраками
на языке страны, которой более нет на карте.
Страны, что убегая
от рабства, оказалась чужда свободе.
Теперь оба мы смотрим вниз – так
удобнее, опустив взгляд, плакать
по нашим ошибкам.
Половодье
пролитой за два года
войны крови
решительно
мешает нашему разговору. Сквозь звуки упавших кровель
и шум разрухи прорывается только невозможность
скорого свидания. Других тем нет,
или они обходятся осторожно.
Твой портрет,
на который ты давно уже непохожа,
покрылся пылью
и не предлагает встречи
с оригиналом.
В мире больше нет крыльев,
на которых можно до тебя долететь.
Остаются слова,
только образы моей речи
на твою жизнь накладываются как попало,
ведь карнавал
злодеев вокруг тебя давно ведёт хоровод,
удивляясь, почему ты до сих пор веруешь
в то, как это было прежде,
пока окружающий тебя народ
выживает, бережно
приспосабливаясь к своему уродству.
У меня нет для тебя руководства
к действию, лишь любовь да тень от надежды.

(28.02.24)

ТРЕБОВАНИЯ СВЕТА

МОИМ УТРАЧЕННЫМ ПОЭТАМ

Слова друзей, ушедших за черту,
прорезаны в страницах —
к чёрту полночь! Я ещё прочту,
пока глаза в глазницах
различают знаки.
Сквозь плоское ничтожество бумаги
я вижу вашу тень, бредущую по ту,
немыслимую, сторону рассвета,
где нет ни дня, ни ночи,
лишь поэту
дан голос говорить начистоту.

Так я читаю светлые слова
в их первородном облике без буквы.
Я слышу: ухает полночная сова
и смотрит, как я пожимаю руки.

Мне одиночество вывешивает счёт,
на корешках от книг проставив имя.
Пусть вечность кончится.
Здесь время ни при чём —
слова и образы, увы, неповторимы.

Молчаньем ран
как колет боль того, что не сказал.
Как радость жжёт — любовь меж строк сочится,
собою приподняв туман.
И я смотрю уже во все глаза,
распознаю и улыбаюсь лицам.

(20.08.24)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Про сварливого пса,
что себе не находит приюта.
Про разбитый капот
на авто, что достался задаром.
Про кружение листа.
Про скольжение прощальной минуты
расставанья — вот-вот.
Разговор возвращается к старым
темам, волнующим думы
и бежит, подчиняясь законам
тепла и молчания.
Полнолуние лимоном луны за окном
над лимоном на клумбе.
Освещает секреты желаний пирог со свечами.

Нам с ключами
пора потянуться на выход.
Только медлим.
Докурить, досмеяться, ещё поднастроить струну.
Постараться, хотя бы и тихо,
о важном.
Скрипнут петли
у двери входной.
Той одной не допеть, не успеть...
Как с обратной дороги свернуть?
Всё уже по прямой,
и уж лучше, чем в песне, не скажем.

(13.04.23)

СМЕНА

Ну вот, дорогой, и мы рудименты в наступившей эпохе.
 Сполóхи
 из прошлого в тени от Берлинской стены.
 Из квартир с обоями.
 Скоморохи
 историй, требующих предисловий,
 которые мало кому нужны.

Ну что рассказать про среднюю школу в городе Энске?
 Как курили бычки, прогулявши урок?
 Как дерзко
 дразнили девчонок и как не по-детски
 страдали от первой любви?
 Про грибок
 на дворовой площадке,
 под которым портвейн из горла?
 Про модную чёлку с зачёсом набок?
 Про бои
 с беспощадной
 тропарёвской шпаной?

Я в краях,
 где вовсю почитают орла
 с белёсой, как снег, головой.
 Ты всё там же, где мы на паях
 покупали бухло,
 и твой снег — настоящий.

Поколение наше вошло
 кто в долги, кто в правители, кто в диссиденты,
 кто в ящик.
 Кто на что посягал —
 сократилось на бандитов хамло —
 кто сумел — тот за славой на сцену.
 Телевизор и тот — рудиментом:
 по компьютеру смотрим футбол
 и плохой

интернет, как неважный сигнал,
только вот самому не настроить антенну.

Мы кому-то нужны
и немногими даже любимы.
Но полвека спустя принимаешь, что горстка друзей —
это всё, что дано.
Все, кому не чужды
в этом поезде дней,
проносящимся мимо,
где в одно успеваешь всмотреться окно.
Что ценней —
прямота иль лукавство?
Пусть уходит моё поколение — я с ним не знаком.
Что пожнёшь — то посеи,
и не сетуй,
что всего-то досталось богатства —
в горле ком,
на который идущий за нами — бедней.

(24.10.20)

* * *

Бахыту Кенжееву.

Ну и как нам теперь выпивать, балагурить, смеяться
по разные стороны этой вселенной?
Эти плотские радости, тебе они снятся,
а мне больше беседовать не с кем.
Да, я опять пролистаю томик,
многое знаю почти на память.
То, что трогало, теперь по-другому,
а комок
в горле затыкает дыхание, давит сухо,
и опять
невозможно продолжить по миру,
в котором дыры
нарастают рыбака сеткой.
Я запутан в смерти, я шевелю строка́ми,
и мои хрипы
застывают плавниками
наших редких
встреч. Твоя «двушка» в Сохо,
когда-то,
с шумом лифта на лестничной клетке,
жарко́е из «мор-гадов»
и те стихи, что подарил, стесняясь версии самиздата,
мол, не пристало большому поэту.
А в глазах свет и в руках дружба —
в краткое последнее лето,
по которому война болью брызжет.
Ты там, откуда не отмотать обратно.
И ты здесь, где ты нужен —
строкою, памятью, плечом, многократным
эхом пустоты моей жизни.

(20.07.24)

* * *

С. Амчиславскому.

Как вдруг, открыв какой-то новый сборник,
я натыкаюсь на волшебную строку.
Звезда над садиком сверкает, и соборный
её отсвет — что откровенье на духу.
Мой друг,
мы вышли из земного притяженья
уже давно.
Беседы непрерывисто скольжение,
но
не подать руки, не посмотреть в глаза.
Прости, что я не точен в выраженьях.
Земля и небо. Где те паруса,
чтоб эти полюса
свести в одно стихотворенье?
Пиши, мой друг!
Пиши оттуда мне.
Стихи ручьём текут в пустом саду.
Как разговора продолженье —
сердца стук.
Опять вдвоём.
Я их найду —
тех строк колючий ряд.
Едва звезда в вечерней тишине —
Шабат Шалом!
И свечки две горят.

(04.06.23)

ВЕРСИЯ ИСТОРИИ

Всю жизнь работать, выплачивать дом,
фасадом
выходящий во тьму.

Пóтом поливать огород,
потóм

перекапывать рассаду
не потому,

что она не взошла, а потому
что такой народ.

Гады —

плоды стали красть.

А за попытку не дать — бить.

Но надо же накормить
дитё?

Что ли наладить снасть?

Да только куда её забрасывать? —

Всюду слякоть, грязь,
и в ней гниёт серость разная.

Разруха.

Улететь, уплыть —

теперь уже поздно. Упущено время.

Старуха.

Страха коренья

принялись, взошли, закрыли собой небо.

На следующее поколеньё

Перекинулись, и у того глаза
уже тоже слепнут.

Ни краса

в них не отразится, ни добра

не различат,

коль даже и встретится.

Вертится

история, — белка в колесе,

пожимает плечами

Создатель. За что всем

им бесам так нравится друг друга мучить?

Не пора
ли уже их переделать?
Разгневаться бы. По уму,
собрать тучи...
Налетела
тень, заплясал ветер по палисадам.
Пропала деревенька, где стоял дом да фасадом
смотрел во тьму.

(17.03.23)

ВЫБОР

Как говорить с девчонкой на пороге материнства?
Мелькает слышимое слово перед божьим.
Раздвинулись границы
языка.
В них невозможен
стыд. Грядущее присутствует, пока
незримо,
и судит необра́мленным в глазницы
взглядом.
Зачем мы здесь, когда бы не за Этим?
И кем хранимы,
если не Всевышним?
Так над весенним,
ещё спящим, садом
в преддверье мыши
ухает сова,
да полнолуныя свет подробно смотрит в нишу,
выхватывая: грех, кровать,
фасад
от хижины —
спектакль давней встречи.
Кто храбрым был, а кто сегодня смел,
когда сплетенье тел —
глаголом высшей речи
звучало вслух?
Чтоб, отломав щепоть,
мел
той луны просыпался в питье,
и дух
смог опуститься в бытие,
благословляя человечью плоть.

(18.03.19)

СОН

Ты мне снишься, пожалуйста, не престань!

Между нами континент, океан,
лишние встречи знакомых,
временное отсутствие общего дома,
дань
приличиям, натянутые улыбки,
время, которое может измерить
лишь прорастающая трава,
вытканная
на зимнем газоне.

Зачем нам эта вьюга из седых перьев
на склоне
дней? Это грустно,
когда задевают только слова.

Искусство —
обманка. Муза — не та,
которая вдохновляет, а та, что терпит,
иногда
сцепив зубы.

Судьбы,
своими извилинами
встречаясь,
звучат, как меха в аккордеоне,
сжимаясь с нотами радости или
расходясь под аккорд печали,
оставляя нас не у дел,
ни с чем, никак.

В Пантеоне
ценностей любовь, отчаянием
возведённая в абсолют,
не требует оправдания в сплетении тел.
Фейерверк то, или салют
заката в облаках,
или это сон о тебе.

(17.12.23)

ШАРМАНКА

Мороженщик на старом тарантасе
проедет мимо. Музыка шарманки.
Мы выбежим,
догоним, купим. Я в шароварах,
в шлёпанцах. Мы лижем,
кусаем.
Сладкое течёт по подбородку.
Мы в первом классе
средней школы.
Мы большие
и взрослые, и денег звон в карманах,
той желтоватой мелочи тяжёлой.

Прошли века. У этого мгновенья
не оказалось вечных атрибутов —
но вдруг мелодия,
как есть, без изменений,
включает: солнце, улицу. И куртка
твоя летит по ветру
платицем коротким,
открыв колени.
Машинка покидает подворотню,
её спешим догнать у перекрёстка,
чтоб снова сладкое по подбородку.

Дом престарелых. Солнца блёстки
от стекла подъезда
плещут на газон,
пронзая тень от тучи.
Сестра толкает кресло
на колёсах через кочку.
Музон
по радио совсем достал.
Сменить канал —

хоть слушать новостную сводку,
всё ж лучше.
Старик опять, похоже, плохо спал.
Взгляд в точку,
да в слюнях весь сам,
по подбородку.

(25.05.21)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ НОКТЮРН

Нам уже не встретиться с тобой в городе,
под снегом, летящим в морды
статуй сфинксов
из неба, что самую суть светлее земли.
Иксы
наших дорог
никак не пересекаются с игреками времени,
теми, по которым плавают корабли.
Я ухожу от тебя на триере:
быта, работ, обязанностей,
с которыми не уместен торг.
В разности
вычислений оказывается устье
реки, протяжённой с запада на восток.

Воспоминания — это грусть
о безнадёжности возврата.
Я не хочу помнить, о чём мы когда-то
мечтали,
особенно не хочу вспоминать детали.
И, если бы мог,
предпочёл надежду на повтор,
даже если далее
повтор — расплата.

Перебор
твоих ног по поребрику,
пасть парадного, откуда веет
сыростью.
Моя маленькая фея,
зачем мы живём на свете,
если твоим волосам никак не рассыпаться
под моей рукой?

Неужели, укором
или, хуже, — панэгириком
по самим себе за выживание в этом столетии?
Если всё, что нам удалось, получилось по́рознь,
значит ли, что для «вместе» нам пора на покой?

(24.07.21)

* * *

Иногда хочется просто музыки,
гармонии из той первобытной вселенной,
где времени узко
в плечах от пространства, что вспенено
звездами.
Только уши в затычках из сирен, из посвистов,
от шумов крови города,
текущих космами
нерасчёсанных улиц в колтунах перекрёстков.
Города, бегущего в никуда.
Я собираю мотив без метра
из нот, которыми вода
скапывает с деревьев,
из аккордов, что показывает закат.
Накладываю на подстрочник, которым веет
мелодия ветра,
исполняющая квадрат
окна. И вот уже, почти легка,
она плывет, но звучит обычная круговерть.
Чего-то не достает,
а взять негде. Это ли твой взгляд,
которым поёт вечность?
Это ли твоя любовь, излечивающая
во мне смерть?

(09.02.24)

* * *

Я вдруг представил себе,
как буду жить в этом доме один,
когда длина седин
превысит возможности парикмахера.
Пропустив обед,
выходить на кухню, не запахивая
халата.
Открывать банку сардин,
наливать скотч. Отряхивать
крошки на пол.
Анфилада
комнат зовёт обходить
звнящую тобой пустоту,
исполняя, из прихоти,
невостребованные дела.
Глядеть на неубранные вещи взглядом,
упирающимся в немоту
жизни, которая может и не была.

(18.04.24)

ЭМИГРАЦИЯ

Ну перейдешь Рубикон?
Вскарабкаешься по осыпающемуся в воду крутому берегу,
встанешь, обернёшься — туман над рекой.
Над местностью, где «не верь никому»
в самой земле выбито.
Кровит кожа в ссадинах,
сдвинута
перспектива взгляда.
С измательства
такой ли мерещилась тебе свобода?
С детского садика?
С пионер-отряда?
Вырвался.
Лишь цепь языка не отпускает.
За годы
истончилась с краю,
натянута к ужасу вящему
до предела, но держит.
По-прежнему не отодрать ржавчину
русской речи.
Так и кружить
по бесконечности с лаптями наперевес
через плечи.
Говорить на чёрством языке
всячину.
Писать непрочитанное,
выискивать смысл в строке,
тот, что слов между.
Зато, нарочито,
не выказывать интерес
ко лжи.
Зато не жить
надеждой.

(04.06.23)

* * *

Ты уехала. Кофе безвкусен.
Резок табак.
Нокаут кино не спасает, но так
прожигается пустошь из грязной посуды —
свидетельства грусти.

Ты в городе том,
с которым простился давно
навсегда,
потому как
не тянет в его невозможную сякоть
обратно.
Там нарушена
клятва
моя о тебе.
Теперь только вижу снаружи,
как время смывает вода.
Лишь памяти пятна —
и я спотыкаюсь о них при ходьбе.

Утешаясь, глотаю фруктовую мякоть,
перепутав с прохожей твоё
отраженье
в фонтане.
Здесь юг прорастает цветами
на юбках, спешащих в движенье
по парку,
где это виденье нелепо.
Только чёрная птица поёт,
потерявши умение каркать,
про город, придавленный небом.

(07.01.22)

ОТШЕЛЬНИК

Обманчивы расстояния в пустыне —
слова мёртвых слышнее, чем речь живых.
Ночные
тени выдают суть вещей точнее,
чем когда те белеют под палящим солнцем.
Жмых
ещё не полностью
ушёл в песок там, где арык
конусом
пересохшей канавы
напоминает о времени, когда его сам вырыл.
От той поры
остались только ржавые
инструменты да долги, которые некому принять.
Отдать бы давно, но кредиторов либо нет,
либо никак не найти.
Хоть купи билет
на самолёт, хоть сядь на велосипед,
Но прикинь, по пустыне бестолку куда-либо катить.

К старости живёшь настоящим,
и тем больше, чем меньше радостей
остается.
Прячешься
в паузы между появлениями детей.
Порциями
наблюдаешь их суету, прощаешь им невнимание, вестей
скупость. А они пробегают мимо.
Взгляд, кивок, жест — привет. Опять пустыня.

На холм за зданием ночью прилетал филин,
рассказывал не про жизнь.
Всё что понял — там в порядке.
Остальное — бред,
непришить

кобыле хвост — обычное ўхание.
 Как с высоты кручи разглядеть то, чего, может, и нет?
 Сколь ей не играть в прятки,
 судьба добычи — ясна. Вернуть бы такое зрение.
 Только почему-то в горле сухо
 и, местами, жжёт где-то.
 Если количество сюжетов
 у истории конёчно, то вечность —
 есть всего лишь их комбинации и повторение.
 Пустыня. Скучно.

Скручен
 давно развалившийся замók.
 Дверь — декорация.
 Да кому ты тут нужен? На отшибе от кружева дорог
 или рек, по которым хошь не хошь, а плыви.
 Куда только по ним добраться?
 Если поиск любви
 или ласки
 есть цель бытия,
 то обнаружить себя в пустыне — считай фиаско.
 Одно не отнять — она устроена для питья.

(20.11.23)

* * *

Ещё не сегодня, как осень
качнётся листками.
И слякоть печали,
и пот, и бессилия стыд.
И чайная пропись
по скатерти. Боль под висками.
Ещё не сегодня — растерянный вид.

Всё будет, но позже.
И пряжей протянется память,
стирая событий цвета.
Разнять одиночество.
Прошлым себя не поранить.
Успеть заплатить по счетам.

(12.06.22)

ЙОМ КИПУР

Господи, только бы всё успеть,
прежде чем позовёшь!
Певчему — слушать медь.
Нищему — тратить грош.
Что ж
от того, что пока дышу,
ежели не тобой?
За грешника попрошу
ломаною строкой.
Дай не покой,
нет.
Что нужно мне — знаешь сам.
Свет
ниспошли, чтоб принять смог
да силы придай словам.
Смог
рассеки лучом,
и я по нему пойду.
Любимой подставь плечо
и отведи беду.
Я поживу ещё,
гордыню мою прости.
В горсти
твоей — чёт-нечёт —
доброму не отмсти.

(04.10.22)

ДВА ПИСЬМА К ВЕТКАМ

ГОРЬКО!

Д. и О.Н.

Здравствуй, мой Гадкий Утёнок!
Вот ты уже и лебедь с крылами,
в тени которых я спасаюсь от зноя
времени.
Учёные,
набившие шишки, мы понимаем,
что такое
сделали или если что поломали.
Трепетное,
детское давно утекло
и срослось в позабытое, хорошее.
Не жаль.
Мы стоим перед вечностью,
по которой течёт из прошлого
кровь наших незнакомых предков.
Только теперь тебе её продолжать.
Редкие отметки
в моей жизни — мгновенья счастья,
глядя на тебя сегодня, я купаюсь в каждой минуте.
Мы, оказывается, части
одного механизма, и это круто.

Мой дорогой, какая бы тебя не носила выюга,
помни, что люди связаны вместе.
Как сегодня, так и в веках.
Поэтому, выбрав себе подругу,
ты и её соединил теперь с нами.
Из песни
слова не вынуть. Пейсы
твоего прадеда пятнами
проступают на твоих гладких щеках.

Берегите вашего светлячка любви!
Уступайте друг другу, и вы увидите, как он растёт,
как светит всё ярче и дальше.
А когда неизведанное вдруг поманит, вдали
разведя костёр,
идите туда вместе, и оно будет ещё краше.

Избегайте людей
с двойным дном,
из зависти к вам они могут сделать плохое.
Пусть будет ваш дом
открыт. Тогда, увидав в нём друзей,
беды вас оставят в покое.

Как научиться жить «душа в душу»,
когда потухнет салют?
Не мне советовать, ибо я не достоин.
Но, если держать ладонь в ладони,
то почувствуешь дружбу,
как любовь, возведённую в абсолют.

Мой любимый,
жизнь это волшебство —
и этим она прекрасна!
Радуйся обрётённой своей половине.
За пиршеством
счастья записывайте свою сказку
настолько, насколько
вы видите сюжеты, состоящие из чудес.
Помните, что только
по мелочам бытие громче всего кричит,
превращаясь в непроходимый лес,
где внезапно меркнут все краски,
и где сладкое вдруг горчит. —

Горько!

(05.06.24)

ПИСЬМА к ВЕТКАМ

Видишь ли, я прожил
не там, где родился.
Почти позабыл родной, свылся
с иностранным.
Дай боже,
чтобы тебе не пришлось также.
Но если придётся, то переезжай раньше,
пока в руках сила, а в кармане
ветер.
Один или с женой.
Дети?
Лучше без них или пока небольшие,
чтобы прижились.
Впрочем,
когда у тебя появятся – сам поймёшь.
Главное, решиться
размножаться на воле.
Тогда эти мелкие паршивцы
принесут больше радости, чем боли,
от которой себя всё равно не спасёшь.

Если придётся работать на дядю,
то занятие
должно быть непротивным,
а деньги, которые за него платят,
получать было б не стыдно.
Кретинам
из начальства выказывай уважение,
тогда в своих решениях
они тебе будут меньше гадить.
Но, лучше,
плевки в свой адрес или просто сухие
слова –
не замечай.
Только избранные вокруг пусть будут такие,
чтобы голова
с ними переключалась на что-то помимо работы.

Но даже и к их речам
относись с опаской — когда-нибудь настучат.

Щёк
не надувай, про повороты
карьеры не беспокойся — пусти на самотёк.
Прощай
свою незаметность.
Помни, если ты мастер,
то деньги будут. Да, бедность —
паршива,
но она не твой удел, а вот власти
над другими — не ищи.
Небольшую — сами предложат,
а большой — не дадут, и то хорошо, тоже.

На войну
не ходи, ни за гривны, ни за доллары или рупии.
Пропадёшь и тем убьёшь тех, кто тебя любит.
В людей не стреляй, ни за какое царство —
умертвлять будешь себя, не врага.
Если только жену и детей обращают в рабство,
тогда бейся насмерть,
ибо свобода всего дороже.
Чтобы потом не лгать,
уворачиваясь от прутьев
надсмотрщика по коже,
крича, что ты за, а не против —
убедить же в том никого всё равно не сможешь.

Не селись в городах —
там много людей и мало места.
С небоскрёба кажется всегда всё легко.
Но если
даже стоять хоть на крыше,
то вокруг всё равно ближе
бесы,
а до Всевышнего по-прежнему далеко.

Никогда не бери себе от других,
не живи за чужой счёт!
Пусть лучше они проживут за твой.
Не заслужив, не кажись горд.
Всё возвращается на своя круги
и, когда тебя поволочёт,
то ты не будешь мертв.
Тот, через кого проходит свет, он и есть живой.

Понимаешь ли, у каждого свои числа,
как и чаша, чтобы её испить,
но пока тебе есть, кого любить,
то жизнь полна смысла.

(04.11.24)

ЛИТЕРАТУРНОЕ КАФЕ

М и С.Г.

Стеклянная стена. Малиновые шторы
и книги — стеллажи узорами
времён.

Кораблик - столик мой в волненье разговора
плывёт на парусах
стакана «Совиньон».

Аккорд
гитарный взят
и микрофон подлажен.
Звучит баллада о... и кружатся
слова. Как листья ноября,
они ложатся
на и заматают рыжим
сиденья экипажа —
дрожит купе-кафе, над строчками паря.

Прижатый пальцем гриф
взмахнёт струны
прибоем,
и вздыбится крутым
волнением душа,
когда возьмёт мотив
в небесно-голубое,
тебя, меня с собою
в речитатив кроша.

По залу тишина.
Остановись, мгновенье.
Для дуновенья
рук раздвинут локоток.
Одежды лишена,
жизнь продолжает пенье.
И дай ей Бог!

(22.01.22)

LAUNDROMAT ¹

Четверть доллара в пятикратном своём повторенье,
бараклишко в корзине, на колени
опущенной.

Отпущенного времени
ускользание из грядущего.

Из присутствующих —
симпатичная девушка
с мешком детской одежды, плюс ещё
одежда в охапке,
видать, нё во что
запихать остатки.

На стулья разделённая лавка
посередине,
вдоль стен — машины,
стирающие каждая на своём режиме.

Ни о чём таком не завести разговора.
Вспоминаю, что малыши —
это здóрово.
Барабаны машин
вращаются. От повтора
поворотов очищаются вещи.
Пре-вращением жизни происходят дети.
Плещет,
выливаясь, вода под днище.
Два квотера (сполоснуть) ещё разыщем.

Плети
перекрученных простыней, едва
она открывает крышку,
выпадают на пол, так вышло.

¹ Laundromat — автоматическая прачечная самообслуживания.

Наклоняется уложить: голова,
тонкие плечи,
грация,
стройные ноги, талия.
Богатство —
это наличие времени, далее
оставшегося на жизни вечер.

Королева — днём и не на работе.
Стирает бельё не себе, конечно.
Да точно знать
так уж важно?
Я подброшу последний квотер —
орёл, решка?
Чуть небрежно,
с юностью: "Как вас звать?"

В последней машине крутилась блузка.
И на ней, кажется,
не осталось пятен.
Героиня моей сказочки,
где конец невнятен:
она говорила по-русски.

(27.06.21)

59-й СЕНТЯБРЬ

Потому что музыка песен
требует светлых строк,
стану пить только пресную
воду.
Буду только в глаза смотреть.
Если где-то есть истина,
то в угоду
ей продолжать гореть,
наплевав, что, конечно же, не пророк.
Листьями,
волной по траве, водой вдоль ствола —
лес вытекает с ветром,
оставляя всю неподъёмную
эпоху ретро
на сто лет догнивания.
Так и люди многие
уходят раньше, чем их тела,
обречённые на дыхание.
Потому что слова
связав,
получаешь материю,
ничего с собой не забрав,
я заворачиваюсь в терпение,
гусеницей, куколкой, ожидающей возрождения.
В музыке, «раз-два».
Потому что красота
побеждает боль,
я смотрю в вечность и вижу свет
в гармонии кружащегося листа,
чья роль —
перегной. Ища ответ,
за слоём слой,
мне ль его раскрошить?
Ведь жизнь, в которой побеждает зло,
не стоит жить.

(08.09.22)

СВИДАНИЕ

Нас будут подозревать во всех тяжких,
которых не было
и уже никогда не будет.

Белая
кожа. Рук размашистые
объятья.

Впереди — зимняя стужа,
шумный обогреватель
в недорогом мотеле,
медленный интернет.
Разговор с повинной.

Латте
и чёрствый крендель
в две половины.

Да ржавый свет
от луны в окошке.

Про него не думают, когда судачат,
пока счастье
катится понарошку
за вырез платья.

Разделённые по понятиям
люди кормятся в небылицах.
Зависть кружится, неприятьем
искажая земные лица.

Зимний тракт
сквозь метель
на стекле рисует
то ли рожицы, то ли тени.
Вот уж год не один подряд
тот не снятый мотель
пустует
по воскресеньям.

(26.11.23)

ИОНА

А хватит ли бесстрашия пойти на свет,
или я струшу, попрошусь обратно,
на эту землю? Туда, где правда – бред,
где брат не понимает брата?
Где слово исковеркано твоё,
где пятна лжи
на самом светлом деле?
А хватит ль мудрости не возродиться в теле?
Не распознав враньё,
пребудет ль веры не пойти на миражи?

О ком сей век? Да всё о том же бедном,
благословлённом, не принявшем благодать.
О том, что нету счастья в звуке медном,
коль он – награда за уменье лгать.

Не проще ли мне маленькой частицей
войти в чертог,
где ты хранишь нас всех своей десницей,
о, щедрый Бог?
Мне снится
поле.
Колосящиеся души
растут на нём.
Ужель покой не может быть заслужен,
коль день за днём
твою я выполняю волю?
Иль это всё создание моих рук?
Спасаю слово или просто вою?
И что во мне такое,
что вдруг снова толкает
заходить на жизни круг?
Или меня гордыня обрекает?
Греховен. Глух.

Прости. Смолчи. Не отнимай прозреньё.
Оставь мне выбор, как тебя любить.

Но чтоб не взвыть,
уйдя в восход, не лучше ль выбыть в тленье?

Вселенная качается.
Что в свете начато, то кончится ещё не скоро.
Младенец улыбается,
и в сытости испачканных пелёнок нет позора.

(09.11.24)

ПОДРУГЕ

Ты любила со мной гулять
по местам, где мы никогда не будем.
Я устал тебя обнимать, шептать
на ухо, показывать пальцем красóты,
задышаться в твоих волосах, а ты —
меня ревновать к людям.

Пустóты
в нас теперь можно заполнить крем-брюле
в ресторане пятизвёздочного отеля,
столиками на пляже под шум прибоя
и, после, ласковой рукою,
сбрасывающей бретельку, колье
и всё такое.

Раскладывая на столе
фотографии, украшения, решительно
и внимательно, неподаренные,
и прочие атрибуты нашего «пóрознь»,
я признаюсь в нелюбви и в потерянном прошлом,
сидящим невзрослым
платьем,
не перешитым,
но по швам распоротым.

Смешно, что
нам ещё предстоит обсуждать поколение внуков,
флиртовать по привычке,
целоваться, купаться nude,
не вызывая мурашек кожи,
встречаясь взглядом, говорить без звуков,
соблюдая приличия,
потому что без — мы уже не сможем.

Биология забирает своё,
привнося поправку,
так что всё,
случившееся не с нами вместе,
жмёт, как плохая обувь.
Горчит, как с друзьями детства
впервые косяк из травки,
от пробы
старости и в ужасе от инцеста.

(11.01.21)

* * *

Я пытаюсь понять — есть ли ещё кураж:
любить, обнимать, смотреть, не обидеть?
Увидеть сквозь пряжу
возраста на лице,
сквозь кажущийся
бесконечным груз поклаж,
обыденных,
ежедневных, тебя в платье,
вышедшим из моды
и снова в неё вошедшим?
По-прежнему целом?
Представить
того Нового Года
игрушки ёлочные,
когда мы были мишени
для флирта.
Цедру
облаков восхода,
розовеющих над бессонной ночью.
Шум лифта,
ведущего в высоту, к точке,
которой потом не стыдно.

Я пытаюсь понять, но ненасытное
время гонит мысли,
увеличивая их скорость.
Счастье — вот оно, протяни руку,
остановись.
Не поймать.
Лишь только памяти поросль
не увядает там, где мгновение было выпукло.

Лишь только остаётся свет,
непонятно отчего исходящий,
согревающий здесь и сегодня,
освещающий завтра.

В нём проступает ветвь,
давно, ещё в тот полдень,
посаженного куста с дрожащим
на ветру бутоном,
многократно срезанным и снова взошедшим.

Крутится в просторном
небе птица,
вытягивает шею –
разглядеть добычу.
Ей бы улететь, а она никак не останóвится.
Ждёт мыши, курлычет,
стелется пó ветру над поверхностью травы.
Мы живем, покуда хотим любви.

(02.01.24)

РОЖДЕСТВО (холст)

Человек празднует день рожденья бога.
Боком к наряженной ёлке,
с бокалом в руке, весёлый,
в чём художник
не оставляет сомнений.
Весь тёплый
наряд его в крошках
от угощенья. В уголке
у рта застыла капля вина.

Мы не слышим музыки, но она видна
по тому, как застолье зámерло,
и все смотрят на музыканта с трубой
и ещё одного, с гитарой.
Исполнение камерное.

Мы догадываемся, что именинник,
довольный собой,
принимает поздравления благосклонно
по тому, как розовеет линия
горизонта над поручнем балкона,
в преддверье красного пожара
восхода, в окне, выходящем в садик.
Сзади,
над головой человека лапы ели
образуют арку —
пещерка из хвои.
По ней гирлянда.
Свет собою
еле освещает захмелевших волхвов.
Маэстро говорит красками: "Так надо.
Извини,
трезвому трудно делать богу подарки,
состоящие из любви."

(22.12.24)

ОКТАБРЬ

Вот и дожили мы с тобой до пустого дома.
 Тишина кричит — хоть шаги слушай.
 Ближе к ночи — то ли скотча, а то ли рома.
 Иногда становится чуть получше.
 И до кучи
 к этому запустенью
 поколение пап замело вьюгой.
 У тебя в глазах —
 Воскресенье.
 У меня перед смертью нет испуга.
 Рассказать
 бы кому про боль и про безысходность.
 Подбирать слова — нечего и пытаться.
 Тело старится.
 Впереди негодность.
 Через десять или там через двадцать.

Я смотрю в рассвет
 до того, как солнце
 горизонт проломит гриба шляпкой.
 День без бед
 пройдёт иль споткнётся?
 Но кому слова о любви прошамкать?

Вот и дожили
 мы с тобой до пустого дома.
 Цветки да коренья — прошлое.
 По простому
 идут ягоды.
 Всё, что было рано — теперь скоро.
 Это осень. В бок колет время.
 Мы давно уже едем с ярмарки
 по дороге, расстояния на которой
 нечем мерить.

(03.10.23)

ОСЕНЬ

Теперь только смотреть —
как оно там складывается у детей?
Стереть
со стола после их ухода.
Переживать, сплетничать по кухням,
по телефону.
Глохнуть.
Просить приехать. Руки
скрещивая на животе,
засыпать под плафоном
горящей люстры.
И хотеть,
надеясь, что у них по-другому
выйдет. Привыкать к пустоте
в пространстве дома,
к хрусту
мусора под ногами,
к неважности забытого,
к чему уже не поторопиться,
найдя в кармане
памятку с именем
и числом.
О чём?
Пытать: суету, лица,
всё, что нанесло
за последнее время
на поверхность стола.
Злиться
в нетерпении,
разбрызгивая слова.

Так ноябрь жизни
обмакивает скупое солнце
в промокшую почву дел,
падая на старые тапочки.
Так призрак
весенней бабочки

вдруг качнётся
падающим листом
будущего мороза.
Так последняя взошедшая роза
пахнет твоим теплом.

(22.11.22)

* * *

Привыкаешь жить с ангелом.
Говоришь ему: «подай», «принеси.»
Угольками
тлеет раздражение — свят, хорош!
На бездорожье
в горсти
своей держишь его ладошку —
не отпусти.
Сочится счастье по капельке
сквозь крылья, распростерты от беды.
От которой иначе нет
спасения, сколько бы
не стараться убежать одиночества
пустоты.

Ангел, повернувши лицо,
разметав волосы,
пронижет взглядом
так, что потечёт свет.
Голосом
с хрипотцой
скажет истину и согреет теплом.
Рядом
с ней стоишь, красиво одёт,
но, видимо, незаметен.
Дети
тоже привыкли жить с ангелом —
«Мама» то, «мама» сё —
первый, второй, третья.

(11.09.24)

ЭПИКУР

Арманьяк с мандарином –
рюмки тонкая радость.
Светлых праздников ритмы.
За неправость
раздумий
о заботах насущных,
за девчоночьи губы
в позабытом грядущем.
Что там, в сумме, осталось?
Годы – волны отлива.
Арманьяк с мандарином –
утонула усталость,
и улыбка
счастлива.
Ты подаришь мне танец –
что нам время и возраст?
Золочёная рыбка
просто
клюнет на палец.

Ожиданьем хранимы,
мы в молчанье запрячем
горизонты удачи
над полями желаний.
Арманьяк с мандарином –
и решение задачки
про разлуку не трудно.
Твои локоны в свете
налетевшего утра.
Здесь по речке, по ленте,
за долиною горной хороша и уютна,
и, даже, немного просторна
наша белая юрта
на поляне восторга.

(03.02.24)

О ЛЮБВИ

Пусты слова. Волна и пляж,
где ты из пены
сотворена.
Где солнце пляшет,
что едва хватает платья
прикрыть колени.
Где плети ветра, оторвав
от звуков эхо,
меняют смысл твоих речей
на тень от смеха.
Здесь цвета патины
вода и привкус соли
там, где прореха
у плечей
в твоей рубашке.
Уж сколько
лет не понарошку пробежало,
а ты всё терпишь мою убогость,
а ты всё веришь цветам бумажным.

Мы сложим горсть
мою в твою, как в точку счастья.
Пусть плоскость
моря повздыхает про отлив от суши быта.
Дрожало время, понапрасну распадаясь
в лучах созвездий.
Мы переждём — одной волной с тобой умыты.
Я стану грязью,
чтоб опять
по воле бога,
не зная слов, тебя обнять —
ты пахнешь сыном.
О как легко всё оставлять, когда дорога
ведёт на свет,
чтоб зашагать, расправив спину.

К чему слова? Пора молчать,
читая мысли.
Ведь кто чья часть —
не разобрать, да и не надо.
Седьмая держится печать
на дверце ада —
два человека, но всего одна из истин.

(28.09.24)

ШЁПОТОМ

*«Но пока мне рот не забили глиной»
(И.Бродский)*

и пока глаза не глядят во мрак,
а хоть половина
моих детей, наивно,
слушает мой совет,
я когда-нибудь научусь любить так,
чтобы через меня шёл свет.
Когда-нибудь научусь прощать так,
чтобы ничего не оставалось внутри.
Научусь спрашивать, чтоб ответ —
нельзя было отринуть,
когда в нём молчаливый крик.

Я проходил школы, где преподают боль.
Я не нашел той, где изучают радость,
но я разучил роль
и жил, ни за что не ратуя.

Я доводил идею до тупика точки.
Я пережёл в себе ненависть,
но не стал мудрым.
Ночью
или под утро,
в шумной компании
искал in vino veritas,
но обретал только выходившее боком.
Я составлял слова в строчки
под предлогом
вины, в порыве самокопания,
и в одиночку,
пил, думая, что вдвоём с Богом.

Я прошёл расстояния,
меняющие
и смысл пути, и его цели.

Мест, которые я повидал
хватит на другую планету.
Я держал
синюю птицу счастья,
ловил и смело
вновь отпускал,
понимая, что его вообще нету.

Я запрягал мечту за надеждой
и гнал, пока в поводьях
не становилось пусто.
Но, пока меня не разрежут,
а после не заколотят,
Господи, спасибо тебе за твоё искусство!

(15.10.24)

HAPPY ENDING *

В два дёрева дворик,
 в два окошка домик,
 ночь в молодой месяц,
 остальное – синее море.
 Я бы сочинил из этого песню
 да заказал оркестр,
 чтобы играл прям на пляже
 или лучше в пустыне,
 под кактусами вальяжными.
 А ещё друзья приезжали бы, и мы бы с ними
 веселились, и продолжалось бы это долго.
 А они не бежали бы обратно под разными предложениями.

И сменилось бы потом поколение.
 Дети, внуки, кто там ещё? По щучьему повелению.
 Мне бы песенку, чтобы реяла,
 как флаг или знамя,
 над тем домиком, где любовь всё про нас знает.

Но не найти ни слов, ни мотива,
 ни смелости, чтоб сказать: «счастливо!»
 С бедой проще – она болит да всегда в чернилах
 перемазана.
 Да ждёт вести,
 случая, выйти на площадь раздетой,
 рассказывать.
 Я бы написал песню.
 Лучше бы не про горе.
 Только у счастья не бывает сюжета.
 Даже когда рыбы кости иль пасти
 белеют на пляже –
 это лишь живое море и часть пейзажа.

(03.02.23)

* Happy ending — Счастливый конец. (англ.)

ЧТОБ ВЫ МНЕ ВСЕ БЫЛИ!

ДЕТЯМ

Когда я уйду, я не оставлю вам чувства вины.
Только дом,
где под каждым гвоздём
заколотен мой дух.
Я не буду врываться, ломать ваши нежные сны
неизведанным «если» — одно выбирая из двух.
Ваши годы и дни
мне видны
на ладони веков.
Сочетаньем непрух
и везений ложится судьба.
Я уйду, чтоб остаться легко
в ваших чутких сердцах,
где мерцать светлячком,
где добавить морщинку у лба.

Я уйду, не оставив вам чувства вины,
лишь слова,
чтоб они пронизали теплом
так, как будто я сам
обнимаю руками.
Вы одни
навсегда. Только всё ж не одни!
Пусть вам будет светло,
а молчанье моё в небесах
не грохочет грозою над вами.

(02.09.23)

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Бойся суббот.
Но ещё больше бойся дней
праздничных.
К себе соберёт
самых значимых
из твоей жизни. Ему видней.
Кто уйдёт быстро, упав наизничь,
а кто по долгой болезни.
Сам останешься лишь с неважными,
с теми, кого по будням
забирать будут.
А как научишься и их любить,
так разверзнется опять страшное
и опять почнёт из тебя боль лепить,
что получится.

И повторятся круги эти много раз.
А в конце пойдёшь один, без попутчика,
по трющобам
памяти, как рыцарь смелый.
Не выдержишь, побежишь, но не найдешь пауз
для отдыха —
на пути лишь мытарства.
А спросишь: "Зачем так отпущено?"
Пошлёт тебе ответ в день праздничный, светлый.
Полыхнёт.
Но принять его уже не достанет мудрости.

(03.02.24)

СТАРИК

Я уже разобрался с собой и с работой.
И даже с эпохой скоро уже разберусь.
Я на всё соглашусь,
что мне выдано высшею квотой,
где колоночка счастья,
а баланс выливается в грусть.

Не стремлюсь
досчитать до конца — всё понятно.
Разгладить морщины
вином. За кутёж,
что в бюджете не сделает брешь!
Оставляя ещё на бензин,
на ремонты машины.
И на первые вишни,
которые ешь
 ..и плюёшь.

(17.01.11)

ПЕРВЫЙ ШАГ

Нас разбрасывают на землю.
Засеивают, едва души всходят.
Приминая стебли
стою, мямлю, прошу прощения
у тех, кто уже отвечает,
не пользуясь ртом и вздохом.
Угадываю слов коды,
подобранные из тени
молчанья —
редкие, незабвенные крохи,
и научаюсь
верить, что мир, задуманный мудро,
не может быть злым к живущим.
Что судорога
боли отпустит. Что вещи,
вон та и вот эта,
осиротевши,
послужат другим не хуже.
А потерь, обнищания стужа
дана, чтобы сняв одежду,
суметь обнаружить
не кожей источник тепла и света.

(27.09.23)

* * *

Папе

Иногда, спотыкаясь о запах варёного кофе,
я попадаю в наше обычное утро.
Глушилка борется с радиостанцией «Немецкая Волна»,
твой набитый портфель,
темнота
за окном.
За чертой подоконника косо летящая пудра
снега. До дна
обжигающий лёгкие морозный вздох. Пешком,
торопливо догонять трамвай
и успеть ввалиться, подтянувшись за поручень.
Стукнуться в расстояния между сумками
и прочими
вещами. (В духоте толпы сразу теплее).
Варежкой отскрябанный край
непрозрачных стекол в морозном рисунке.
И смотреть, смотреть, как ночь становится посветлее.

На завтрак делались бутерброды,
иногда ленивые вареники
со сливочным маслом.
Я входил в садик, как в непогоду,
съёжившись от детской вражды, ожидая ненастья.
Глушилка хрипела «Голосом Америки».
Кофе, прыснув,
шипя, заливал конфорку.
И бесконечная жизнь не имела смысла.

Сейчас, когда взгляд упирается в переборку
авиалайнера,
летящего над Атлантикой,
я понимаю тебя гораздо больше.
Мы жили в рамках, следуя правилам,
глупым, как стало понятно намного позже.

Романтика

оставалась уделом книжек,
собранных в домашние библиотеки
так, что обоев на стенах было не видно.
Что-то всё-таки из нас вышло.
При взгляде в прошлое, по крайней мере, не стыдно.

Мне, наверное, уже никуда не деться,
не сойти с вектора, начатого морозной ночью.
Я прохожу площадью.
Я вкладываю записку в стену.
Калифорнийскому солнцу не озарить детства,
как на твою любовь не поставить цену.

(03.07.15)

ВОЗРАСТ

Сперва тихо.

А потом звук ходунка,
скребущего, невзирая на свежие мячики
на лапках.

Лихо

по имени время. Робко так
сначала целует пальчики
морщинками кожи,
потом память — заметками в тетрадке.

Боже,

куда я её положил с вечера?

А солнце уже шумит
на терраске
на цветке январском,
где жужжит
шмель, беспечно
размешивая краски
дня.

Тапочками шаркая,
подобраться к прилавку кухни.

Огня.

Сварить что-то на завтрак.

Мир не рухнул?

Новости — не вникая в событий пляску,
в мельканье кадра.

Дряхлость —

это из намеренного — внезапный вычет.

Потому-то теперь и крадёшься мимо,
любуйся, лишь бы не спугнуть.

Это ещё молодость, когда ловля птичек
не требует грима.

Согнуть

бы себя, подобрать урённое,
пропавшее.

Развернуться бы к ней лицом,
переиначить важное

оставленное за собой.
Кроме
сил, не оставшихся –
а откуда брать их
под времени резцом?
На что ещё надежду потратить,
если не на любовь?

(03.01.22)

ВЕСЕННИЙ БЛЮЗ

Маме

Зелёный колибри
над цветками январской азалии.
Сзади,
за нею, кратко выбритая
молодая поросль на газоне.
Меж вымытых
дождями кирпичей дорожек —
свежий мох.
А так садик —
гол. Лишь ель
иголок дрожью
приветствует сезон зимы
за вздох
до окончанья,
ну и случайный
ранний февральский шмель
жужжит над прописью травы.

Ты там давно, где нет ни неба ни небес.
Ни шума. Лишь движение фотонов,
чьи квантовые позывные
нас связывают пуповиной нервов.
Я здесь,
в тени фронтонов,
где природа предпочитает разводные
мосты
всем навесным.
Наверное,
так надо, чтоб прошёл корабль. Я вслед
ему гляжу, и ўтра мне — пусты.

Февраль. Рассвет.
Магнолия — в глаза.
Мимоза — в ноздри.
То паруса
уже весны полощет воздух.
Выносит голову опять
лучом горячим,
и вспять
вращается земля со мной незрячим.

(11.02.20)

ВЕСНА

Папе

На ходунке опять пора менять мячики.
Февральская простуда, вроде бы, отступила.
Настоящее теперь меньше прячется
в прошлом.

Невозможная
эта зима, похоже, отлила
свои циклоны, мощные,
в обрывах электричества,
в наводнениях,
в холодах.
Это всё мгновения,
и какое бы ни было их количество, —
они не имеют значения.

Редко стали приезжать внуки.
На днях,
правда, повидал младшую —
прелестница!
Из остальных развлечений — чтение
по-прежнему не подводит.
Библиотека скрашивает
невозможность уехать.
По хорошей погоде,
самому положить бы руки
на руль, отклонить креслице,
и возраст — не помеха, —
нажать и полететь по незнакомым местам.

Страница почему-то пуста.
Перечитать снова.
О чём? Вот тут пятно
на краю листа.
И ещё одно
на штанах —
обнова, —
подарок от дочки.
Может быть, заглянет поближе к ночи.

Она всегда в делах,
в беготне.
Я в её годы — тоже без сна.
Надо же, какая птица в окне!
И впрямь — весна!

(02.04.23)

МОЛИТВА

Господи! Ты дал мне
и ты отнял.
Придавлен —
стою, шатаюсь,
и шепчу: «понял, внял»,
а сам ведь ничего не знаю.
Пуст.
Выжжен.
Произношу звуки, слов
не слыша.
Уже без чувств
кадиш мямлю.
А хочу-то ведь только любовь.
А мечтаю —
только бы не потерять.
Но как жить начать, если — мёртв?

Господи, ты даешь и ты отнимаешь.
Знаю,
твоя мудрость непостижима,
но пряжа моей вины и боли —
зачем, если не накрывать ею позор нелюбви?
Зачем в горле ком?
Зачем воля,
если не выбирать из жизни выход?
Все ж, не сорви,
проходя, цветок до срока. Лихо
не допусти в дом.

Господи, ты мне показывал,
но я ничего не видел!
Всемогущий,
ты мне говорил, только я не слышал.

Разные
разорваны теперь путеводные нити.
Нету дня –
тишина, мгла опущена.
Узнаю ли, что простил меня,
потому, когда свет забрызжет?

(09.09.23)

СТАНСЫ

Засыпаю и просыпаюсь в мир,
в котором тебя по-прежнему нет.
Как будто надеюсь проснуться в том, в котором нет дыр
от потерь и в котором – вдвоём.
Твой портрет нежно улыбается мне – "Привет!", –
говорит. И глядит на меня глаз водоём.

А я никак не могу принять то, что я не Бог.
Значит, что мир поменять отпущено только раз.
Ну а как узнать, когда прозвенит звонок?
По каким приметам?
В мире, в котором ты есть сейчас,
мне уже подбирают срок,
по мере того, как он истекает в этом.

Когда-нибудь я смогу, проходя сквозь сны,
от вины
очищающие, как рану перекись
промывает, чужие или свои — уже не важно,
менять, по прихоти, мир смертей на мир из весны.
Сгорать и вставать из пепла фениксом,
которому жить не страшно.

В нашей разлуке я ненавижу бессилие её сократить,
но принимаю уверенность во встрече,
которая уже, как ни крути,
видна с перевала.
Жизнь, что сперва неторопливо текла по плёсам,
потом прижимала
плечи
болью на полпути,
почти подошла к ответам на вопросы,
которые сама себе задавала.

Я никак не могу привыкнуть,
что я не Бог.
А мог бы взять, посмотреть вокруг
и увидеть, что мир выткан
с целью.
Только как найти, где исток
того, что я состою из мук
и из радостей от птичьих трелей?
А мне бы принять, что стою
в строю, и что я — струна.
А волшебство дарю
не своё — Его.
Отражаю свет, как луна,
и не смею более, чем дано.

(23.10.23)

РЕ МИНОР

С горем каждый в конце один на один.
Отражается свеча от седин.
Со смертью каждый в конце на «ты».
Сердце – лишь ёмкость
для пустоты.
На полную громкость
шёпот последних слов
в память вбит.
Сучит беспомощная любовь,
и течёт гранит.

(10.09.23)

ФОРМЫ ЧУВСТВ

Папе

Моя любовь на лезвии ножа
для резки таблеток.
Моя нежность на нитках шва,
стянувшего твою пижаму на два размера.
Моя надежда, что клетка
твоей души раскроется ещё не сегодня,
уронив дверцу.
Моя вера,
что ржа
твоего возраста, сколь угодно
толстая, не помешает
глазам говорить от сердца.

Мы уплываем в вечность.
Медленно уплываем в вечность
на парусах неподотчётного смеха
хороших воспоминаний. Чем-то
наша похожесть
перемешивает чувства
так, что перспектива одиночества
вне
их уже не гложет,
а лишь саднит смутно,
неясно.
Мои огрехи
давно прощены. Ты продолжаешься во мне,
и, безвластное,
время — не существует.

(24-26.08.23)

VENTANA *

Мёрзнут в прошлом декады любви.
 Как мне выдержать с ней расставанье?
 Не звонить,
 не встречать, не кричать друг на друга в пылу?
 Я плыву
 по реке моей памяти в саване понимания
 и в пыли опустевшего дома согреваюсь в плену.

Пелену твоих мыслей и слов собираю в гербарий,
 чтоб его открывать и смотреть,
 принимая совет.
 Смерть
 не терпит поставленный жизнью сценарий.
 На подмостках любви навсегда выключается свет.

Разодёт был наш дом. Нынче он продуваем ветрами.
 Вещи выволочь, дыры закрасить,
 разобрать по частицам тепло.
 Как лекарство для раны,
 согревает от стен отражённое счастье,
 ударяется в рамы
 и уходит в стекло.

Я метлой
 подметаю паркет,
 подбираю монетку. Что, орёл или решка?
 Где желание, чтоб загадать?
 Разобрать кабинет.
 Книжки в ящики и, куда-нибудь между,
 записную тетрадь.
 Чтоб читать, отрицая разлуку, искать откровенья,
 находить и сводить полюса
 в невозможности встреч.
 Научиться прощать забытьё поколений
 и, глядя в фотографий глаза,
 слышать речь.

Вот и всё. Что служило убежищем от непогоды,
четверть века спустя проживает разгром.
Ряд картонных коробок у входа,
кресло, стулья. Мой родительский дом,
где поднявшийся взгляд
видит чётко небесные своды.
Только это теперь о другом.

(10.10.23)

* *Ventana* – Окно (Исп.)

РОШ АШАНА

папам: Пете и Мойше

Ты не умер — уехал.
Этот жаркий Элул
пахнет терпким вином в недопитом стакане.
Мы по разным домам. Только эхо
звучит непрерывно,
отражая от стен гул
твоих набегающих слов из эфира.
Я живу в твоём мире,
в вещах, в их названьях,
в разбросанных книжках, в развалинах
сказанных слов и историй.
Согрет кашемиром
любви.
Я с тобой говорю и просторы
обсуждаемых тем — безграничны.
Ответы твои
нахожу я в различных
событиях,
в небольших изменениях, в тех, что обычно
не происходят. И нити
меж нами
не знают ни времени, ни расстоянья.

Лишь одежда твоя висит без движения,
да закладка — всё в той же странице,
да молчит телефон.
Я живу в твоём мире его продолженьем,
и мне прошлое снится,
как грядущего фон.

(19.09.23)

* * *

Отпусти меня из тюрьмы-вины,
чтобы снова жить, как листва в ветру́.
Я верну долги,
только ты прости,
чтобы свет сменялся на ночь, не тьму.
Я щеку протру,
чтобы вновь смеяться в глазах огням,
чтобы дни
кружились без чисел дат.
Отними меня от груди-любви,
что не вышло здесь, может выйдет там.
Видишь ли,
кругом виноват.
Видишь. Да
говоришь событиями из редких крох.
Сквозь ошибок нити вдруг видна звезда.
Чуть отпустит боль — всё что может Бог.

(12.06.24)

ГODOBЩИНА

Я собираю папиных друзей
по разным вечеринкам, по тусовкам.
Просеиваю письма, фотоснимки,
всё то, что проворонил – ротозей.
Кто с ним в обнимку? —
не найти имён.
Под кровлей чьей, да и в году каком?

Его не позабудут все, с кем он провёл,
хотя бы краткий срок.
Лицо, пожатые рук. Он мог,
умел себя дарить, и царский этот дар
тянул и плёл
любви нить, которой он дышал.
Наш шар, безумный шар —
в грехе, в крови, в войне —
ему не помешал
себя раздать вполне.

Мне не дано вот так уметь, как он — глядеть в глаза.
Мне бы собрать
на полчаса
хотя бы несколько друзей.
Быть может, сможет эта рать
мгновенье оживить?
Ни что теперь не повторить,
не отнести в музей.

А впрочем — это всё враньё:
вина и скорбь, и грусть.
Кружит зловеще вороньё
по памяти
напрасно.
Он здесь, он жив. Он в комнате,

со стула в кресло пересел.

Как слышно ясно:

"Чтоб вы мне были все,
когда я к вам вернусь!"

Я так устал смотреть туда, где только тьма
и зло всех зол.

Я вижу, брызжет слабый свет,
сочится тонкой ниткой.

Скажи, ужель схожу с ума?

О, как бы так и мне суметь, когда придёт момент,
как он, поставить чай на стол
и смерть очаровать своей улыбкой.

(25.06.24)

ДОЛГОЖИТЕЛЬ

А когда я стану 90-летним,
выжившим из ума, —
убей меня
вкусно приготовленным, незаметным
ядом в заветном
семейном соусе.
Когда я стану ронять
на рубашку
еду с ложки, не донеся до рта, —
на меня не кричи
попусту.
Возьми промокашку,
салфетку и подбери.
Значит — пришла пора.
Когда я потеряю ключи
от дома, ты мне их не возвращай.
Найди и держи у себя. Они мне вряд ли
понадобятся.
Прощай
испачканные штаны, пролитый чай,
неучастие в разговоре.
Когда слова перестают складываться,
когда взгляд устремлен в фокус,
когда только в повторе
обрывки мыслей удастся озвучить,
тогда ты ищи в них мудрость.
Но лучше,
приготовь мне тот соус,
который я так люблю.
Трость,
на которую опираюсь, держи поближе,
чтобы я мог дотянуться, отложив книжку,
чуть вбок
вставая из кресла.
Каждому кораблю
выходит срок.

Я плыву по твоей памяти, где я остался,
где местность —
всегда прекрасна. Я ем вишни,
я плюю
косточки и запускаю их вдаль из пальцев.

(01.04.24)

* * *

С.

И сказала сирота сироте:
«Обними меня в своей пустоте.
Пусть потянутся года и века.
Ты мне будешь берега, я – река.
Вот сейчас я докурю, ты допьёшь.
Перестанем вспоминать и грустить.
Чуть отпустит набежавшая дрожь,
успокоится ладошка в горсти.»

Посмотрели сирота с сиротой
в небо полное пустой высотой.
Сколько лет ещё и сколько любви?
Не реви, пока вдвоём, не реви!

(22.09.23)

YAHRTZEIT

Папе

Вот уж год как тебя не стало.
 Не зарастает дыра. Непрестанно
 ноет и вина моя никуда не делась,
 а любовь не утратила остроты.
 Твое тело
 ушло, но руки помнят наши объятия,
 уши — голос,
 и ничто не претит
 чувству, что ты просто вышел и скоро вернешься.
 Восприятие
 времени изменилось.
 Оно поменяло масштаб и фокус.
 И, возможно,
 встало,
 или просто минуты сжались, увеличив скорость,
 в результате чего их теперь так мало.

Кислое выражение лица —
 всегда результат спешки.
 Смех требует не торопиться.
 Ты это умел.
 А я вот бегу, в предчувствии неизбежного конца,
 только вешки
 результатов далеки от того, что я хотел.
 Внешне
 не устаю бодриться,
 но внутри мне жаль потери любви
 в её абсолютной форме.
 Утешение в детях,
 в которых проглядывают твои
 черты,
 так что кроме
 нас с тобой, кроме моей пустоты,
 есть кому лупить
 в ладоши от радости, когда солнце светит.

(27.08.24)

От автора

Большинство стихов, вошедших в эту книгу, написаны в период 2023-24 гг. Есть некоторые постарше, но они «захотели» быть добавленными в это издание.

Многие произведения уже были опубликованы, их можно найти разбросанными по периодической печати — в тонких и в толстых журналах или в альманахах различных стран русскоязычной Ойкумены. Они также звучали в моих выступлениях в известных литературных клубах, на слётах и на литературных фестивалях, многие есть и на интернете.

Что такое «Jazz-поэзия», как она устроена, и какие там действуют строгие правила, я уже писал — сначала в «Манифесте джаз-поэзии», потом, более конкретно, в эссе «Музыка формы».¹ Что касается использования приёмов «Jazz - поэзии», то об этом также была статья – «Вдвоём с Сизифом».² Размышления об отличиях и классификации направления по сравнению с общепринятыми стихотворными формами можно найти в статье «Разновидность боевого искусства».³

Для комментариев, отзывов, или чтобы просто контактировать со мной, пожалуйста, используйте контактную форму на любом из этих сайтов: nomer.us , westcoastlit.com, freelit.net

Саша Немировский

¹ См. журналы «Апраксин блюз» 2013г. №24 и «Интерпоэзия», 2018, №3.

² См. журналы: «Новый Свет» 2018, №3 и «Грани» №272

³ См. журналы «Нева», 2019 Ноябрь и «Грани» №274 за 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

Калейдоскоп и каллиграфия 3

БЛОКНОТ ХУДОЖНИКА 5

Язык гор	6
Перуанский мотив	8
Super bloom	11
Вершина	12
Семейный портрет	14
«Опять штормит, и в мороси не виден город»	16
Рассвет в пустыне	17
At lunch	18
О рыбацкой удаче	20
Снегопад	22
Шторм	24
Видение	26

Из цикла «Мексиканские эклоги» 28

Mexico City блюз	28
San Felipe	30
Попытка к побегу	32
Las Cabos блюз	34
Городской пейзаж	35
Зависть	36
Классики по Фрейду	38
Джаз кафе	40
Ночь над пустыней	42
Открытка из Филадельфии	44
Гора	46
Летний романс	47
Летний танец	48
Степь	49
Шотландская сюита	50
Итальянское трио:	53
Колизей	53

Siena блюз 54
Афродита 55
Возраст весны 56
Ноктюрн 58

НОВАЯ ИУДЕЙСКАЯ ВОЙНА 59

Гнев 60
«Не говори мне ничего ни про слова» 61
Суккот 62
Храм любви 64
Языки войн 66
Вопрос 68
Реальность 69
Исаак 70

ОТРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ 71

Из цикла «Остановленный рейс» 72

Блюз перемены мест 72
Год первый 74
Carnevale 76
Zoom 77
Еврейский Дом 79
«Человек состоит из оставленных за собой вещей» 80
Costa de morte 82
«Ну что, мой Санчо? Пять веков спустя» 83

Из цикла «Фрагменты катастрофы» 84

До востребования 84
Невозвращенцы 86
Каховка 87
Одноклассники 89
Турчанка 90
2022-й 91
«В общем-то, не повезло» 92

«Любимому другу подарить гитару»	93
Маленькая принцесса	94
Нобелевка за мир	96
Беженка	98
Из недружественной страны	100

ТРЕБОВАНИЯ СВЕТА 101

Моим утраченным поэтам	102
День Рождения	103
Смена	104
«Ну и как нам теперь выпивать, балагурить, смеяться»	106
«Как вдруг, открыв какой-то новый сборник»	107
Версия истории	108
Выбор	110
Сон	111
Шарманка	112
Петербургский ноктюрн	114
«Иногда хочется просто музыки»	116
«Я вдруг представил себе»	117
Эмиграция	118
«Ты уехала. Кофе безвкусен»	119
Отшельник	120
«Ещё не сегодня, как осень»	122
Йом-Кипур	123

Два Письма к веткам 124

Горько!	124
Письма к веткам	126
Литературное кафе	129
Laundromat	130
59-й Сентябрь	132
Свидание	133
Иона	134
Подруге	136
«Я пытаюсь понять – есть ли ещё кураж»	138
Рождество (холст)	140

Октябрь	141
Осень	142
<i>«Привыкаешь жить с ангелом»</i>	144
Эпикур	145
О Любви	146
Шёпотом	148
Happy ending	150

ЧТОБ ВЫ МНЕ ВСЕ БЫЛИ! 151

Детям	152
Предостережение	153
Старик	154
Первый шаг	155
<i>«Иногда, спотыкаясь о запах варёного кофе»</i>	156
Возраст	158
Весенний блюз	160
Весна	162
Молитва	164
Стансы	166
Ре минор	168
Формы чувств	169
Ventana	170
Рош Ашана	172
<i>«Отпусти меня из тюрьмы-вины»</i>	173
Годовщина	174
Долгожитель	176
<i>«И сказала сирота сироте»</i>	178
Yahrtzeit	179
От автора	180

